В Бессердечном Лесу

Джоанна Рут Мейер

Джоанна Рут Мейер

В бессердечном лесу

Серия «Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65071491
В бессердечном лесу: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-121289-6

Аннотация

Глупец тот, кто попытается пройти сквозь Гвиденский лес. Здесь поют смертоносные сирены, обрекая каждого на смерть.

СЕРЕНА

Я родилась деревом. Ни страха, ни желаний. Только сияние звезд.

Мать пожелала, чтобы я стала монстром.

Песнями я заманивала людей в лес и ломала их, как мертвые ветки.

И его сломала бы.

Но он дал мне имя. Серена, что значит Звезда.

ОУЭН

Мы живем на границе леса.

Музыка заманила сюда мою мать. Восемь дочерей Гвиден растерзали ее на кусочки.

Теперь погибнем и мы с сестрой.

Но одна из сирен спасла меня. Почему?

Каждую ночь они тайно встречаются.

Каждую ночь ей все сильнее хочется стать человеком.

Вот только звезды предрекают: если древнее проклятие не будет разрушено, начнется роковая война между деревьями и людьми…

Содержание

Пролог. Монстр 6
Часть первая. Листья 9
Глава первая. Оуэн 9
Глава вторая. Оуэн 22
Глава третья. Оуэн 30
Глава четвертая. Оуэн 38
Глава пятая. Монстр 42
Глава шестая. Оуэн 44
Глава седьмая. Оуэн 50
Глава восьмая. Монстр 59
Глава девятая. Оуэн 62
Глава десятая. Монстр 72
Глава одиннадцатая. Оуэн 74
Глава двенадцатая. Монстр 78
Глава тринадцатая. Оуэн 80
Глава четырнадцатая. Монстр 88
Глава пятнадцатая. Монстр 92
Глава шестнадцатая. Оуэн 98
Глава семнадцатая. Оуэн 104
Глава восемнадцатая. Монстр 111
Глава девятнадцатая. Оуэн 113
Глава двадцатая. Серена 118
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Джоанна Рут Мейер
В бессердечном лесу

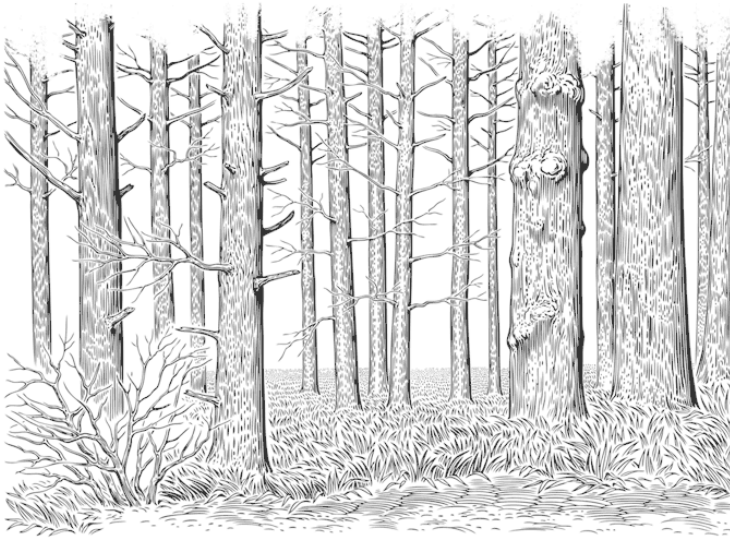
Joanna Ruth Meyer
Into the Heartless Wood

Copyright © 2021 Joanna Ruth Meyer
© Харченко А., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Я очень тебя люблю и всегда буду любить,
Медвежонок

Пролог. Монстр



Я родилась деревом. В то время все было проще. Все, что мне требовалось, – это земля да ветер с дождем. И солнечный свет, согревающий мои пестрые листья.

Я не знала ни страха, ни желания. Меня заботили только рост и небо. Не знала жажды, жажды, жажды.

Только сияние звезд.

Но моя мать хотела дочерей и выбрала березовую рощу.

Я помню день своего рождения: как древесная кора пре-

вратилась в сухожилия, листья – в волосы. Я почувствовала почву под ногами, впервые открыла глаза и увидела нечто новое: темно-зеленый лес, широкое голубое небо и серо-белые очертания семерых сестер.

А также маму, которая и не дерево, и не женщина; слов, которые могли бы ее описать, попросту не существует. Она – могущество, красота и обязательство. Она делает что пожелает, и горе всем, кто встанет у нее на пути. Я поняла это с первой секунды своей жизни и поклонилась ей, мои зелено-желтые волосы заструились по плечам блестящим ручьем.

Чего я не понимала, так это того, что я родилась, чтобы быть солдатом. Чего я не понимала, так это того, что меня лишили свободы.

Поначалу я любила маму. Она открыла мне глаза и распустила язык. Рассказала названия всего, что есть в лесу, научила петь. А музыка, музыка, музыка! Она нарастала внутри меня и срывалась с губ, и была такой чудесной, такой красивой, что я считала ее хорошей, ведь как иначе? Так что я пела, росла и неосознанно позволяла маме вылепить из меня своего ручного монстра.

Когда я достаточно подросла, чтобы заманить человека своей песней, запереть его в сердце леса и сломать, как отмершую ветку, то сделала это без вопросов, без раздумий.

А после второго, десятого, двадцатого раза, когда я заманила сотню людей на верную смерть в мамином лесу, я за-

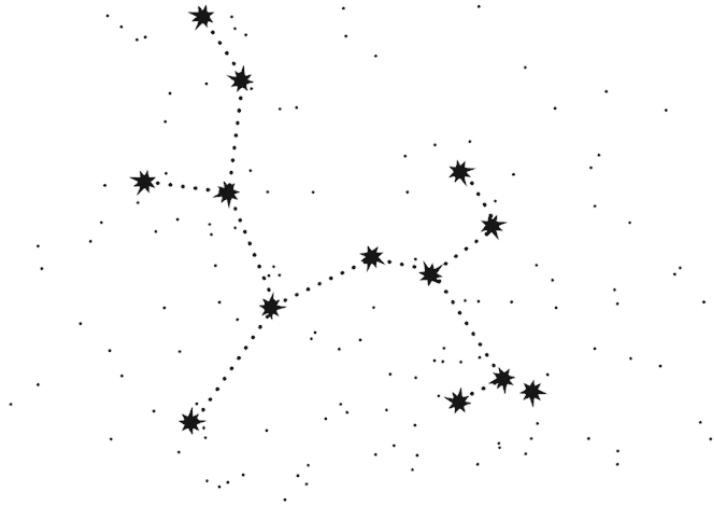
была, что когда-то была деревом.

Я забыла, что была кем-то еще, кроме как младшим монстром своей матери.

Часть первая. Листья

Никогда не заходи в лесную глубь, там подстерегает много опасностей, темных и светлых, и они захватят твою душу.
«Серафина и черный плащ». Роберт Битти

Глава первая. Оуэн



В Гвиденском лесу сегодня тихо. В воздух не вплетается

высокая, жуткая мелодия, которая захватывает мои разум и тело, искушает подойти ближе к деревьям, хотя я прекрасно знаю, чем это чревато. Я менее восприимчив к музыке, чем большинство. И все же в тишине как-то легче.

Лес пахнет так же, как и всегда: суглинком, землей и немного кислым запахом гнили. Над достающей до груди ограждающей стеной, которую мой отец возвел слишком поздно, висят ветки. Салатовые, только распустившиеся листья скребутся о камень. Но меня их красота не проведет – я знаю, что сокрыто за ними.

Что они забрали у нас.

Авела, подобно щенку, катается в траве у стены. Она не понимает опасность, притаившуюся совсем близко. Да и как? Ей всего два года. Она не помнит нашу маму. Не слышит темными ночами душераздирающий плач отца, когда он думает, что я сплю. Он бы разозлился, если бы узнал, что мы гуляем на улице, но Авела – маленькая дикарка. Нельзя же весь день держать ее взаперти. Кроме того, сейчас из леса не доносится музыка, а отец работает на ферме Бреннанов. Он ни о чем не узнает. Да и я ни на секунду не свожу с сестры глаз.

Сомневаюсь, что папина стена оградит нас от деревьев, если они по-настоящему захотят пробраться внутрь.

Авела бегает кругами, пища от радости, пока у нее не закружится голова. Она падает на землю и с макушки до пят пачкается в грязи. Еще она умудрилась как-то порвать пла-

тье. Ее веснушчатая кожа загорела на солнце, темные кудряшки – которые мы оба унаследовали от отца – растрепаны. Она неусидчивая, так что мне никогда не удается основательно расчесать ей волосы; в данный момент в них запутались травинки и палки. У нее карие глаза, как у отца, мамина широкая улыбка и больше озорства, чем может уместиться в таком маленьком человечке. Она выжимает из меня все соки, но я люблю ее до беспамятства.

– Авела! – зову я, когда она подбегает к стене и тянет маленькую ручку к низкой ветке.

Меня пронзает паника, и я вскакиваю с травы. В мгновение ока подлетаю к сестре, хватаю ее за запястье и тяну обратно под открытое небо, в безопасность.

Она визжит и вырывается, но я снова ловлю ее и кружу до тех пор, пока она со смехом не забывает о желании вернуться к стене и этой дьявольской ветке. Я не осмеливаюсь взять топор из сарая и срубить ее. Даже отцу не хватило бы духу. Я стараюсь забыть о своем дурном предчувствии, не слышать слабый намек на песню из лесной чащи.

– Пора мыться, малышка, – говорю я сестре.

– Нет! – вскрикивает Авела.

Но все равно покорно следует за мной, когда я отношу тазик к насосу перед домом. Наполнив его до краев, ставлю тазик у огорода – вода, которую Авела непременно выплеснет, пойдет только на пользу цветам и овощной рассаде.

Я снимаю с нее грязное платье и, посадив сестру в тазик,

яростно намыливаю. Она кричит, смеется и брызгается, полностью наслаждаясь процессом. Отмыв ее, я оставляю Авелу плескаться в воде, а сам время от времени смотрю то на лес за огородом и папиной стеной, то на дом, в котором прожил всю свою сознательную жизнь.

Это небольшая каменная хижина, совершенно обычная, не считая башни, которая служит отцу обсерваторией. Серебряный купол закрыт до вечера, внутри надежно спрятан телескоп. В ярко-синих оконных ящиках вянут цветы – когда за ними ухаживала мама, такого никогда не случалось. Я пытался сохранить все, что с ней связано, и не отдавать память о ней Гвиденскому лесу.

Все считают нас глупцами из-за того, что мы живем на самой границе леса. Может, и не беспочвенно.

Но это единственное место вдали от деревни, где отец может наблюдать за звездами в уединении. Мало кто знает, что он астроном. И никто не знает, что он составляет звездные карты для самого короля Элиниона – за настоящие королевские монеты. Днем отец трудится на ферме Бреннанов, чтобы люди не задавали вопросов, откуда он берет деньги, и соблюсти условие короля о секретности. Бреннан наш ближайший сосед, его дом находится в трех милях на северо-восток. Деревня еще в пяти милях на север, и даже это считается опасно близким к лесу.

Ветер усиливается, навевая холод. Над солнцем сгущаются тучи, и в воздухе внезапно пахнет дождем. Музыка стано-

вится громче, теперь ее слышно даже сквозь завывания ветра. Она манит меня. Передернувшись, я сжимаю челюсти и не поддаюсь ей.

– Пора в дом, малышка, – говорю я Авеле. Затем выливаю кувшин чистой воды ей на голову, и она вопит как резаная. Я щекочу ее под подбородком и, подняв из тазика, укутываю в большое полотенце и несу в дом.

Музыка преследует нас, впиваясь в кожу невидимыми шипами. Эта же музыка заманила мою мать в лес, где она осталась навеки. Слышал ли кто-нибудь ее крики, когда восемь чудовищных дочерей Гвиден напали на нее и растерзали на кусочки? Осталось ли от нее хоть что-нибудь или она просто обратилась в пыль, раскиданную по лесной подстилке среди заплесневелых листьев?

По-прежнему держа Авелу, я быстро поднимаюсь по двум ступенькам к входной двери и тянусь к ручке.

– Калон Меррик дома?

Я подпрыгиваю от зычного голоса и, обернувшись, вижу, несомненно, одного из людей короля. Его длинное кобальтовое пальто застегнуто на позолоченные пуговицы, изящная синяя кепка тоже оторочена золотом, на плече висит большая прорезиненная сумка. С виду ему где-то между возрастом моего отца и моими семнадцатью годами. У него темная смуглая кожа, намекающая на сайтское происхождение.

– Я Оуэн Меррик. Отца сейчас нет дома. Вы пришли за звездными картами?

Мужчина с нескрываемой неприязнью переводит взгляд с меня на Авелу и показывает на уши. До меня доходит, что он заткнул их воском, чтобы защититься от песни древесных сирен. Он не слышит меня.

Я открываю дверь и жестом приглашаю его в дом. Мужчина проходит внутрь, но достает воск только после того, как я крепко-накрепко запираю дверь. Его встревоженный взгляд то и дело обращается к лесу за кухонным окном.

– Я пришел за картами.

– Я принесу их, только подождите минутку.

Я ставлю чайник на плиту, а затем нахожу Авеле тканевый подгузник и чистую сорочку. Та с криками носится по дому. Мужчина хмурится и вжимается в стену у камина, будто хочет отстраниться от нее как можно дальше.

Я незаметно окидываю его недовольным взглядом. Что он себе возомнил, что появился из утробы матери сразу взрослым и унылым, как сейчас?

Оставив ему чашку чая на столе, я уношу Авелу с собой в обсерваторию, чтобы забрать звездные карты этого месяца. Как правило, ее сюда не пускают, но я ни за какие коврижки не оставлю ее внизу с этим олухом.

– Ничего не трогай, малышка, – даю ей тщетное указание, опуская посреди обсерватории. Авела с пару секунд все разглядывает круглыми, завороженными глазами и тут же начинает наматывать круги и громко визжать от радости.

Свернутые карты лежат в тубусах на книжной полке у те-

лескопа. Я беру их под мышку и с трудом выгоняю Авелу из комнаты.

Она вяло плетется по лестнице – ей уже давно пора спать.

– Вот они, – говорю я мужчине и отдаю ему карты на изучение.

Затем наливаю Авеле молока и сажусь с ней за стол. Она сворачивается клубком у меня на коленях.

Мужчина достает все карты из тубусов и бегло рассматривает их, прежде чем спрятать обратно. Он явно новенький – обычно король Элинион посылает одних и тех же слуг, чтобы забрать карты и отдать деньги папе, но этого мужчину я вижу впервые. И судя по тому, как он бегает взглядом по звездным картам, он понятия не имеет, как их читать.

– Похоже, все в порядке, – говорит он, просмотрев последнюю.

Ладно, не буду выводить его на чистую воду. Он даже к чаю не притронулся – тот давно остыл, стоя у его локтя. Только зря потратил на него травы.

Снаружи разверзлись тучи, за окном хлещет дождь. Авела уже почти уснула у меня на руках.

– Плата твоего отца, все как договаривались. – Мужчина достает синий бархатный мешочек из внутреннего кармана и кладет его на стол с тихим позвякиванием металла. – Пересчитай, если хочешь, только побыстрее. Я хочу вернуться в деревню до темноты.

До сумерек еще несколько часов, но я вижу, как его взгляд

снова возвращается к окну, к тени леса, который скрыт за пределами поля зрения. Интересно, видел ли он его прежде?

– Не понимаю, как вы это терпите, – вполголоса произносит мужчина. – Как вы можете спать по ночам, живя так близко к ее лесу? Так близко к *ней*.

Гвиден. Мало кто произносит ее имя вслух, но все понимают, о ком речь: о ведьме, которая правит лесом. Она настолько могущественная, что может подчинить своей воле творения Божьи, точно как подчинила своих дочерей, древесных сирен. Они служат ей оружием, поют по ее команде, заманивают людей в лес и поглощают их.

– Мы не беспокоим ее. – Я с нарочитым безразличием пожимаю плечами. – Она не беспокоит нас. Но деньги я считать не буду. Я доверяю его величеству.

Авела потирает глаза, и я встаю, прижимая ее к плечу. Мужчина следует моему примеру и неуклюже сворачивает карты, после чего запихивает их в прорезиненную сумку. Та глубокая, но треть тубусов все равно торчит наружу. Он окидывает меня пристальным взглядом, будто не решается что-то сказать.

– Ты знаешь, зачем ему это? Его величеству. Почему он ежемесячно платит твоему отцу за эти карты?

Я пожимаю плечами. Да, он точно новенький. Раньше никто из слуг короля не осмеливался задавать подобные вопросы.

– Если мой отец и знает, то мне не рассказывал. Но, уве-

рен, вы знаете, как важно…

– Хранить это в секрете. – Мужчина супится. – Я не дурак. Просто поинтересовался, не более.

Лично мне нравится воображать, что король Элинион в душе ученый, который скрывает свое увлечение, чтобы не казаться суеверным. Если народ Тариана узнает, что король ежемесячно сверяется со звездами – по каким бы то ни было причинам, – то перестанет ему доверять. Он герой, их чемпион против Гвиден и ее леса. Если жители подумают, что он ищет свое будущее в звездах, то начнут шептаться о магии; подумают, что он не так уж отличается от ведьмы и ее чудовищных дочерей. В конце концов, между магией и наукой очень тонкая грань.

Мужчина мешкает у двери, достает два комка воска из кармана, но не спешит затыкать ими уши. Его явно не привлекает мысль о том, чтобы выйти на улицу, даже если единственная альтернатива – остаться здесь со мной и Авелой.

– Просто, как по мне, это пустая трата денег, – говорит он. – Лучше бы он потратил их на железную дорогу.

Авела опускает голову мне на плечо и зевает. В дом сквозь трещины в камне уже просачивается песнь древесной сирены. Похоже, я надолго застрял с этим мужчиной – вряд ли он сможет сопротивляться их зову, даже с воском в ушах.

– А что не так с железной дорогой? Она уже год нас не подводила.

Он кривится.

– Так и было, пока лес не разросся вокруг рельсов.

– Что?! – Я изумленно пялюсь на него.

– Нынче поезд в Сайт едет прямиком через лес чуть западнее вашей деревни. Так было с зимы.

– С зимы?! – Глупо вот так переспрашивать, но мне все равно. Это просто кошмар! Железная дорога, наряду с телеграфными линиями, – одно из главных достижений короля Элиниона, которое позволяет быстро и безопасно путешествовать по Тариану, а также укрепило нашу связь с соседней страной и торговым партнером Сайтом. При постройке лес находился за много миль от дороги, и пути пролегали по длинным участкам травянистой равнины. А теперь… – Как это возможно?

– С каждым годом лесная ведьма становится сильнее. Удивительно, как это она еще не повалила вашу стену. – Он косится в окно. – Но все намного хуже, чем ты думаешь. Лес рушит железнодорожные пути. Металл искорежен, шпалы вырваны из земли и поставлены прямо, как деревья, которыми они однажды были, и увешаны гирляндами из цветов. Не важно, что это не ее деревья, – все пиломатериалы доставили из Сайта, его величество играет по правилам. Эти нападения случаются внезапно, и они задерживают новые поставки. Нам приходится чинить участки путей почти каждую неделю. Если мы не разберемся с этой проблемой, у нас будут неприятности с Сайтом.

Он прав. Тариан импортирует древесину и уголь из Сайта.

Без них нам придется трудно. Помимо медленных и опасных морских путей, в Сайт больше никак не добраться, разве что кому-то хватит глупости идти через лес пешком – лошади отказываются подходить к деревьям.

Авела поворачивает голову на моем плече, ее крошечные кулачки сжимаются на рубашке. Дождь все усиливается, заглушая песнь древесной сирены.

– Значит, вы были в лесу, – говорю я, не упустив из внимания, что он сказал «нам».

Мужчина передергивается и кивает.

– Я полгода работал на железной дороге, и меня часто посылают охранять ремонтную бригаду.

Пульс на моей шее учащается.

– Так вы видели их? Дочерей… ведьмы?

Его руки сжимаются, тубусы звездных карт стукаются друг о друга в прорезиненной сумке.

– Один раз. Это произошло два месяца назад, когда нас впервые отправили чинить рельсы в новой части леса. Мы заткнули уши воском, чтобы не слышать их песнь. Вооружились ножами и пистолетами. Но в итоге этого оказалось недостаточно. Они пришли втроем, и их дьявольская песня была слышна даже сквозь воск. Они были быстрыми, как змеи, со светящимися глазами и костлявыми руками. Нас оплели живыми ветками и сдавливали до тех пор, пока те не вонзились в плоть.

В моем взгляде читается искренний ужас.

– Нас спас капитан – по крайней мере, большую часть людей, – при помощи тряпок, пропитанных керосином, и пакетика пороха. Это временно напугало дьяволиц, и нам удалось сбежать. Но капитан все равно погиб. Потерял слишком много крови.

Я смотрю на него с новообретенным уважением.

Мужчина мотает головой, будто хочет избавиться от этого воспоминания. Внезапно он замечает, что музыка в лесу стихла.

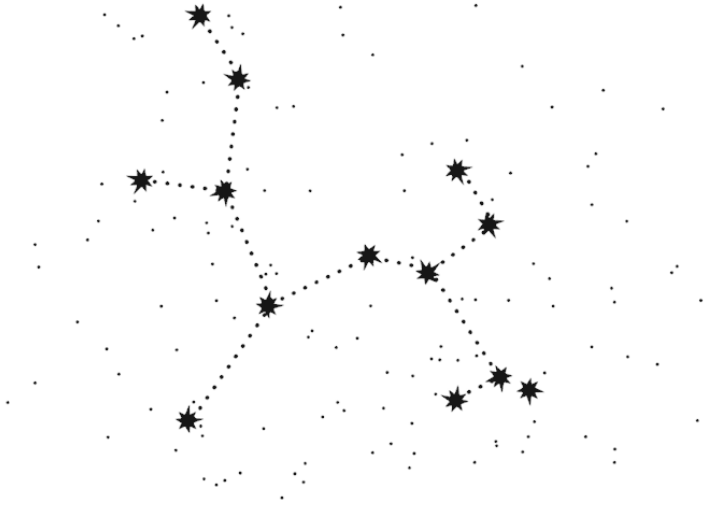
– Ну, хорошего дня.

Заткнув уши воском, он выходит на улицу и закрывает за собой дверь. Я не слишком-то грущу о его уходе. Положив Авелу в кроватку на первом этаже, я поднимаюсь на второй, минуя наши с папой спальни, и забираюсь по узкой лестнице в обсерваторию. Даже если гроза скоро пройдет, еще слишком рано для телескопа, стемнеет только через пару часов. Однако мне нравятся тишина и покой этой комнаты. Когда купол открыт, стеклянный потолок служит окном в небо; когда закрыт, слева от чугунной печи остается небольшое окошко, управляемое рукоятью. Я поворачиваю ее и с прищуром смотрю сквозь пелену дождя на самое сердце Гвиденского леса. Никто не смеет трогать деревья – они для нее священны. Легенды гласят, что она считает их своими детьми, и более того, даже сделала из них детей: восемь дочерей, древесных сирен, чья жуткая песня снова льется через окно.

Когда-то давно лес был значительно меньше, но с каждым годом он разрастается. И судя по словам слуги короля, быстрее, чем я предполагал. Возможно, к тому времени, когда Авела будет моей ровесницей, он поглотит весь мир, как поглотил нашу маму.

Я еще с пару секунд всматриваюсь в деревья и слушаю песню дочерей Гвиден. Музыка кромсает меня острыми когтями. Я невольно высовываю голову из обсерватории и протягиваю руки к деревьям. Но вовремя прихожу в чувства. Я резко возвращаюсь назад и закрываю окно.

Глава вторая. Оуэн



На дворе уже весна, но по вечерам еще чувствуется остаточный зимний мороз, так что, прежде чем взяться за приготовление ужина, я закидываю уголь в печку.

Из меня неплохой повар – пусть это и не то достоинство, которым принято хвастаться мальчикам. Мне нравится придерживаться ритма, когда я нарезаю овощи, нравится смешивать муку, масло и сахар, чтобы приготовить любимые пирожные Авелы. Я горжусь, что сумел прокормить нашу семью после того, как мама исчезла в лесу, хоть и пришлось

бросить школу на год раньше.

Сегодня, пока в кастрюле на плите кипит каул[1], я добавляю вымоченную в чае сушеную смородину в тесто для бара брит[2]. Придав ему форму хлеба, оставляю подниматься на ночь, а утром отправлю прямиком в духовку. Авела просыпается после дневного сна и, прибежав на кухню, виснет у меня на ногах и заливается смехом, пока я расхаживаю с ней по помещению.

– Вэн, Вэн! – довольно кричит она.

Как раз когда я разливаю суп по трем пиалам, в дом заходит папа, и Авела бежит искать в его карманах шоколадные конфеты, которые он всегда ей приносит. Находит с полудюжины, но я забираю их с оговоркой, что она сможет полакомиться ими после ужина. Отец снимает ботинки, вешает кепку на колышек и потягивается. Его кожа пересохла и загорела от многих дней работы на солнце. Он водружает очки на нос – в поле их никогда не берет, боится разбить, – и, умывшись, садится за стол.

Мы ужинаем, а после Авела играет на полу подле отца, пока он читает газету и время от времени с любовью погля-

---

[1] Каул – популярное национальное валлийское блюдо, представляет собой суп из мяса (обычно это соленый бекон, говядина или ягнятина) и овощей (картофель, брюква, морковь, лук-порей), которые долго варятся вместе.

[2] Бара брит – традиционная валлийская выпечка; либо дрожжевой хлеб с добавлением сухофруктов, либо напоминающая фруктовый кекс сладкая выпечка, сделанная из муки с добавлением разрыхлителей. В тесто обычно добавляют изюм, смородину и цукаты.

дывает на нее. Я выхожу на улицу, чтобы сгрести еще угля из ящика в ведро. Осталось маловато, скоро придется идти в деревню за новой порцией. Когда-то давно жители Тариана жгли в каминах дрова, как в Сайте и Гвайде, что по другую сторону гор. Некоторые люди по-прежнему так делают, если не могут позволить себе уголь – они собирают упавшие ветки и палки, которые сбил ветер. Только величайший дурак решится срубить целое дерево.

Однажды, в ранние годы своего правления, король Элинион пытался сжечь Гвиденский лес. Он выжег огромные участки деревьев, и в отместку ведьма уничтожила целую деревню. Теперь он борется с ней другими способами. Железной дорогой. Телеграфными проводами, которые проходят под землей, обеспечивая нас быстрой и доступной связью с Сайтом и Гвайдом. Но если верить слуге короля, ведьма тоже не бездействует.

Набрав угля, я возвращаюсь в дом.

Когда часы на каминной полке отбивают восемь вечера, я подхватываю на руки сопротивляющуюся Авелу, чтобы уложить ее спать. Она четыре раза чмокает отца, после чего я отношу ее в комнату, переодеваю в ночную сорочку и укрываю одеялом до подбородка.

– Сказку, Вэн! – просит она высоким, писклявым голоском. – Сказку!

Я рассказываю ей ту же историю, что и обычно: о мужчине, который наблюдает за звездами, и о его жене, которая от-

правляется в долгое путешествие и не может найти дорогу домой. Она превращается в звезду, чтобы он всегда видел ее и чтобы хоть таким образом всегда быть с ним рядом.

Авела мало что понимает, но ей нравится тембр моего голоса, знакомый ритм сказки. Я гашу лампу, целую сестру в лоб и закрываю дверь.

Отец уже ушел с первого этажа, его газета и очки больше не лежат на привычном месте на столике у плиты. Я не знаю, как долго он засиживается за книгами каждую ночь, прежде чем уснуть в спальне, которая наверняка опустела без моей матери. Зато знаю, что мой долг – исполнить его обязательства перед королем Элинионом, и так было каждую ночь с тех пор, как исчезла мама.

Я ставлю кастрюлю отмачиваться в раковину и поднимаюсь в обсерваторию.

Зажигаю лампу на поцарапанном деревянном столе у телескопа и рассеянно вращаю латунные кольца армиллярной сферы, которую отец привез из университета в молодости. Затем ставлю чайник на плиту, примыкающую к задней стенке, и завариваю чай с корицей; его мощный сладкий аромат наполняет всю комнату. Теперь нужно открыть купол, настроить телескоп, достать пустые звездные карты из ящика и развернуть их на столе.

Я сажусь на стул перед телескопом и смотрю в окуляр. К счастью, буря уже успокоилась, и перед моим взором предстает чистое темнеющее небо. Первой над горизонтом под-

нимается яркая планета Кариад. Я черкаю ручкой с пером на сегодняшней карте, отмечая ее положение. Затем жду появления других планет, алой Рифел и бледной Негесид, и, конечно же, первых звезд.

В небе их миллионы, и ученые предполагают, что есть еще миллионы, которых мы не видим даже при помощи телескопов. Чем я занимаюсь каждую ночь – и чем занимался отец до смерти матери, – так это отмечаю положение всех звезд, которые возможно увидеть: созвездия и то, что между и вокруг них. Планеты. Фазы луны. У меня есть пустые карты для каждого положения телескопа, с изогнутыми линиями, обозначающими путь эклиптики. Одна карта полностью посвящена Арке Ветра – россыпи звезд, напоминающих горсть снега, раскиданного по небу.

Звезды предсказуемы, и именно это мне нравится в них больше всего. Я уже целый год самостоятельно наношу их на карты, наблюдаю за их неизменным движением по небесной сфере. Я действительно не знаю, почему король нанял моего отца, почему требует хранить это в строжайшей тайне. В детстве я постоянно изучал карты в поиске закономерностей и прогнозов. Некоторые говорят, что созвездия, движение планет и их близость друг к другу предсказывают будущее, вырисовывают события нашей жизни. Но я видел в них только порядок. Чудо. Не считая Авелы и родителей, больше всего в мире я люблю звезды.

Я медленно и методично заполняю звездные карты; закон-

чив одну, направляю телескоп на новую часть неба.

Успеваю заполнить только три, когда дверь в обсерваторию со скрипом отворяется. Оглянувшись, я натыкаюсь взглядом на отца с очками на кончике носа. Его присутствие меня удивляет. Он выглядит утомленным, как и всегда после смерти мамы. Но в его глазах горит решимость, которой я не видел так давно, что и забыл, как она выглядит.

– Можно присоединиться к тебе? – неуверенно спрашивает он, будто боится, что я его отвергну.

Я улыбаюсь.

– Конечно, отец. Я всего лишь подменяю тебя.

– Я тебя не прогоняю, – уточняет он.

В моей груди ослабевает тяжесть, которой я раньше не замечал. Я встаю из-за стола и приношу второй стул. Отец наливает себе чаю, и мы садимся вместе, по очереди глядя в телескоп и отмечая звезды на картах.

Давно я не был так доволен. Я скучал по отцу – он вроде и был с нами, и в то же время отсутствовал, будто покинул семью вместе с мамой, хоть и не так, как она. Раньше отец учил меня читать звездные карты, и мы частенько засиживались допоздна, попивая чай с корицей.

С ним работа идет быстрее. Заполнив все карты и спрятав их в тубусы, которые отдадим слуге короля в конце месяца, мы с папой все равно остаемся в обсерватории. Что-то мне подсказывает, что он скучал по этому не меньше меня, а то и больше.

– Оуэн, – говорит он, когда пламя в лампе угасает и чая почти не осталось, – ты можешь меня простить?

– Мне нечего прощать, отец.

Он хмурится и берет меня за плечо.

– Если бы не ты, мы были бы обречены. Деньги короля. Дом. Маленькая Авела. Если бы ты не взял всю ответственность на себя, я не знаю, что бы с нами стало. Я не должен был оставлять тебя справляться со всем в одиночку.

У меня сдавливает горло; тема подошла слишком близко к потере матери, а я не уверен, что кому-то из нас хватит храбрости обсуждать это сейчас.

– Со мной все в порядке. Правда. Бог дал мне достаточно сил.

Отец улыбается и отставляет чашку, чтобы положить руки мне на плечи.

– Мне повезло, что у меня такой сын. Но я слишком долго пренебрегал тобой и Авелой тоже. Пришло время подумать о твоем обучении, отдать тебя в подмастерья кому-нибудь в деревне. Ты уже взрослый.

Я ошарашенно смотрю на него.

– Не надо меня ничему обучать… я стану астрономом, как ты. Кроме того, я нужен тебе, чтобы приглядывать за домом и Авелой. Помогать со звездными картами.

Отец качает головой.

– Позволь мне позаботиться об Авеле. Я хочу, чтобы вы уехали отсюда, прежде чем лес… – У него перехватывает ды-

хание, и он делает глубокий вдох. – Прежде чем лес заберет ваши души. Мне давно уже стоило это сделать. Я не могу потерять вас. И не потеряю.

Я хочу отметить, что последний год мы жили в полной безопасности, но затем думаю о музыке, которая зачастую доносится из леса, об Авеле, протягивавшей крошечную ручку к ветке над стеной, о том, как сам высунулся из окна обсерватории.

– Если хочешь, можешь пойти осенью в Сайтский университет, – продолжает отец. – Я отложил на него деньги.

Он морщит лоб, и я знаю, что он думает о матери, – они познакомились в университете. Она была виолончелисткой, а он – астрономом, и они частенько шутили, что им придется выживать на одной любви, так как с такими профессиями себя не прокормишь.

В горле возникает комок.

– Отец, я не покину тебя.

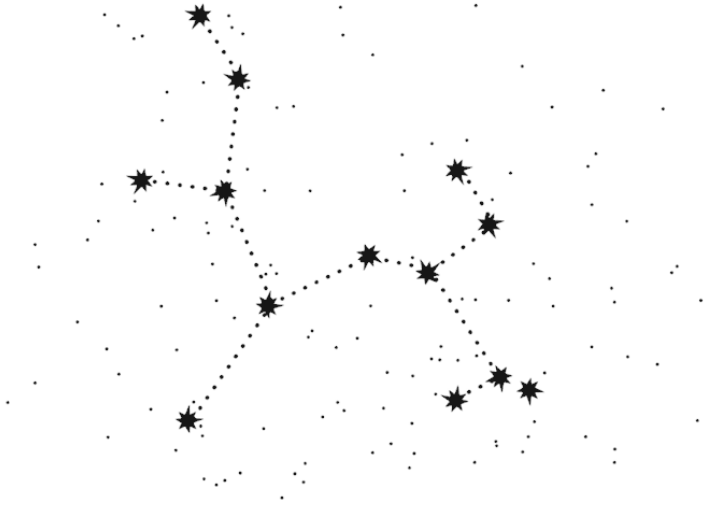
Он встает и легонько хлопает меня по плечу.

– Ты еще молод. У тебя полно времени, чтобы поразмыслить о будущем за пределами этого дома и неба. Просто пообещай, что обдумаешь мои слова, – не обязательно принимать решение сразу.

Я тоже встаю, гашу лампу и выхожу за ним из обсерватории.

– Я подумаю об этом, – вру я. Может, мне всего семнадцать, но всю свою жизнь я мечтал только о небе.

Глава третья. Оуэн



Едва устроившись в кровати, я вдруг вспоминаю, что не рассказал отцу о своем поручении – его неожиданные планы на мое будущее вытеснили все другое из головы. Проснувшись пораньше, успеваю поймать его перед уходом на ферму Бреннанов. Я пытаюсь не замечать его красных глаз и горя, которое окутывает его как нечто вполне осязаемое. После обсерватории я поспал не больше пары часов; отец же выглядит так, будто вовсе не спал.

– Сегодня я еду в Сайтский университет.

Его лицо морщится от удивления.

– Что, уже пора?

Я киваю. Каждый год отец отправляет звездные карты – в сокращенном виде – в университетскую библиотеку. Так же поступают астрономы со всего континента, а ученые собирают наши знания для будущих поколений. В прошлом году я сам отвез их на поезде, а до этого мама три года ездила с торговцами, путешествовавшими по старой дороге через равнины.

– Я сяду на поезд, который отходит в девять из деревни. – Я думаю о том, что рассказал вчера слуга короля. Интересно, знает ли отец, что лес разросся до железных путей? – Это совершенно безопасно, – вру я. – Я переночую в Сайте и вернусь домой завтра вечером. Мы с Эфой договорились, что Авела пока побудет у нее. Как только малышка проснется, я отведу ее к ней.

Отец почесывает щетину на подбородке.

– Возможно, нам лучше не подавать карты в этом году.

– Отец, я уеду всего на день.

Он хмурится.

– Я слышал, что лес…

– В поезде совершенно безопасно, – спешно повторяю я. – Он быстро довезет меня до Сайта. Обещаю, со мной все будет хорошо… я отправлю тебе телеграмму по приезде, чтобы ты не беспокоился.

– Ладно, – вздыхает он. – Но я все равно буду беспокоить-

ся. Не открывай окно в поезде. И возьми мой нож.

Отец кивает на декоративную шкатулку на полке над плитой в гостиной, в которой, сколько я себя помню, хранился его охотничий нож. Вряд ли он когда-либо применялся в деле.

Папа стремительно выходит за дверь, а я ставлю бара брит в духовку и завариваю чай, смиренно пряча охотничий нож в рюкзак. Звездные карты для библиотеки готовы – свернуты и спрятаны в водонепроницаемый тубус с кожаным ремешком, чтобы было легче нести.

Только я собрался будить Авелу, как она неуклюже заходит на кухню. Съедает толстый ломоть бара брит, кашу и запивает все это молоком, будто ее неделю не кормили. Я беру ее на руки, закидываю рюкзак и тубус на плечо, и мы выдвигаемся в деревню Блодин.

Было бы гораздо легче, будь у нас лошадь или хотя бы осел – мы не прошли и половины пути, а мне уже ужасно тяжело нести Авелу. Но животным не нравится близость к Гвиденскому лесу. Когда Авела была совсем младенцем, у нас временно жила коза – так она перестала давать молоко, перепрыгнула через забор, и больше ее никто не видел. Даже курицы у нас не выжили: через неделю или две они перестали откладывать яйца, выщипали себе все перья и умерли одна за другой. После этого мы отказались от домашнего скота и теперь покупаем молоко, яйца и мясо у Бреннана.

Радует хотя бы то, что у нас есть огород, так что фруктов

и овощей всегда в избытке. Порой я могу поклясться, что наши растения растут быстрее, чем должны, будто питаются той же живительной магией из почвы, что и деревья Гвиден.

Чего я хочу на самом деле, так это велосипед. По правде, я редко путешествую на большие расстояния, чтобы в нем была необходимость, да и с Авелой ездить бы не получилось, но я все равно его хочу. Согласно папиным газетам, в городе Брейндаль на эти новомодные изобретения сейчас большой спрос, да и наша деревушка не отстает – некоторые уже его купили.

Нести Авелу быстрее, чем если она пойдет сама, но к тому времени, когда в поле зрения появляется ферма Бреннанов, мышцы моих рук кричат от боли. Я передаю сестру Эфе, жене Бреннана, и, помахав отцу, который усердно работает в поле и скорее всего даже меня не видит, отправляюсь в деревню в одиночку.

Чем дальше я от леса, тем свежее воздух и жарче солнце. Под ногами кружится пыль, и к тому моменту, когда я добредаю до деревенского вокзала, с меня уже ручьем льется пот. Вообще-то «вокзал» – это громко сказано, скорее маленькая деревянная платформа, зажатая между телеграфной станцией и постоялым двором, где можно купить билет.

Я вхожу в приземистое каменное здание. Внутри мрачно и прохладно – наконец-то можно отдохнуть от палящего солнца. Жду, пока глаза привыкнут к темноте, и подхожу к кассе. За ней стоит темноглазая девушка и протирает очки тря-

почкой, ее длинные волосы стянуты яркой лентой на уровне шеи. На ней кремовая блузка с рукавами-фонариками и узкими манжетами на запястьях, а также юбка с высокой талией, застегнутая сверху донизу на пуговицы. Увидев ее, я заливаюсь краской. В Блодине не так много юных девушек, но Майрвэн Гриффит – самая красивая из них. И самая умная. Она поэтесса, некоторые ее стихи даже публиковали в брейндальской газете. Когда-нибудь я наберусь смелости, и мы нормально побеседуем. Об астрономии, музыке или книгах. Может, сделаю ей предложение – я пока не продумывал все в деталях.

– Доброе утро, Оуэн. Чем я могу тебе помочь? – Она улыбается мне, и на секунду я теряю дар речи.

– Э-э… билет, – вспоминаю я. – На поезд в Сайт, который отходит в девять.

– Ты едва успел, – говорит Майрвэн, глядя на маленькие часы на стене сзади. Затем достает билет из кассы и вписывает мое имя.

Я отдаю ей деньги за проезд. Замираю на пару секунд, просто стою как болван и пытаюсь придумать, что бы сказать такое умное.

Она снова мне улыбается, в ее светлых глазах пляшет смешинка.

– Лучше поторопись, Оуэн Меррик, или опоздаешь на поезд.

Я мямлю что-то бессмысленное и выхожу на платформу,

мысленно ругая себя за трусость.

Но времени на нормальный разговор все равно не было, ведь она права – через пару секунд поезд с грохотом прибывает, и я поднимаюсь на него, вручая билет темнокожему проводнику в сине-серой кепке. Занимаю место у окна.

Мой вагон в конце поезда, перед служебным, и в нем почти пусто, единственный другой пассажир – бледный старик во фраке, читающий газету. В заголовке что-то говорится о том, что король Элинион набирает солдат в свою армию. На свободном сиденье рядом с ним лежит котелок, и тут я вспоминаю, что в спешке забыл надеть свой. Я редко его ношу – он до сих пор валяется где-то в шкафу. По крайней мере, я откопал свой единственный костюм, хотя он мне уже маловат – нужно попросить папу купить новый. В основном я ношу папины старые штаны и рубашки – в школу я уже год не ходил, а Авеле плевать, как я одет.

Я устраиваюсь поудобнее и достаю книгу из рюкзака. Поезд трогается с места, за окном проносятся размытые деревни и фермы. Скоро мы заезжаем в лес, и зеленая листва поглощает нас целиком. Я пытаюсь отделаться от дурного предчувствия и погрузиться в книгу.

Старик напротив меня на секунду откладывает газету, чтобы закрыть окно.

Интересно, сколько пассажиров едет в передних вагонах? Заткнул ли машинист уши воском? Я утешаю себя мыслью, что, быть может, поезд издает достаточно шума, чтобы за-

глушить песню дочерей Гвиден.

Однако не могу отделаться от чувства, что мы мчимся прямиком в ловушку.

Проходит не один час. Я обедаю ломтем бара брит с толстым куском ветчины и горячим чаем из термоса. Поезд грохочет, движение колес по рельсам убаюкивает меня.

Как вдруг я просыпаюсь от жуткого скрежета металла. Вагон накреняется вбок, и меня швыряет в кресло через проход. Я падаю в паре сантиметров от старика, который обмяк и привалился к закрытому окну. Его шея свернута под странным углом, на виске – алый мазок крови. Я ошарашенно пялюсь на него, мысли путаются и замедляются от шока. Это просто кошмар, и через секунду я непременно проснусь.

Но нет.

Вагон сотрясается при приземлении на бок, и я сползаю на старика. Его тело жесткое и холодное. Из горла рвется крик, я отчаянно, лихорадочно выползаю в проход. Меня всего трясет от ужаса, от зарождающегося понимания, которое гложет мой разум.

Теперь окна находятся над головой. Ветки прижимаются к стеклу, царапают и царапают его, и я знаю, знаю даже до того, как музыка внезапно проскальзывает через стекло и металл, чтобы впиться в меня когтями.

Древесная сирена столкнула поезд с рельсов и всех нас убьет.

Музыка взывает, командует мной. Ее шипы впиваются

глубоко в кожу и тащат к себе. Что-то внутри меня сопротивляется, кричит, борется.

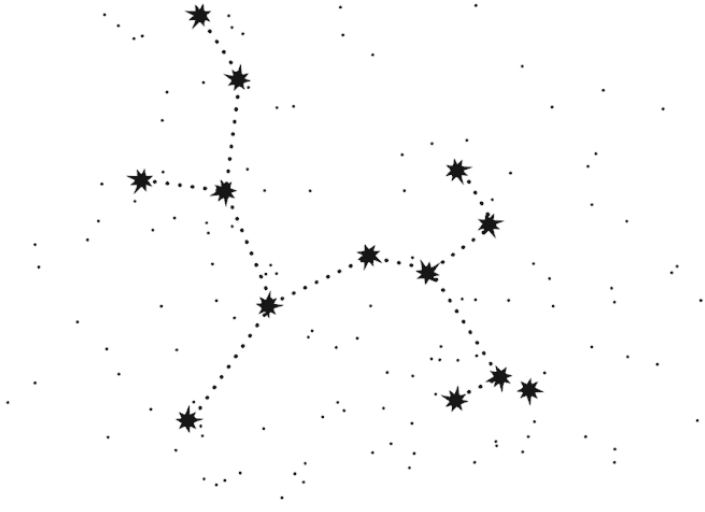
Но тело повинуется зову сирены.

Я ползу по сиденьям к двери, что ведет в соседний вагон. Она перевернута, помята и заклинена из-за аварии. Песня древесной сирены гремит в моей голове и тянет к себе, как зверя на цепи. Я не хочу выходить из поезда. Хочу спрятаться от нее. Свернуться в темном углу и молиться, что она пройдет мимо. Но музыка не позволяет этого сделать. Я снова и снова бьюсь плечом о дверь, чтобы выбить ее. Смутно чувствую боль в руке и рану в боку от удара о кресло. Музыка извивается внутри меня, разрывает пополам. Я не хочу идти к ней. И в то же время – хочу.

Во мне борются страх и желание. Смутный ужас, еще более смутная боль. Я должен пройти через дверь. Я должен, должен.

Та наконец поддается. Я проталкиваюсь через нее и шиплю от боли, когда в ногу вонзается острый кусок металла. Музыка манит, манит меня. Я рывком выхожу из поезда и падаю в лес.

Глава четвертая. Оуэн



Грязь крошится под моими ладонями. На землю капает кровь из пореза на ноге.

Я жадно глотаю воздух, тело почему-то наливается свинцом. Впереди слышатся крики – резкий контрапункт с музыкой, что просачивается в мою душу. Поезд сорвали с рельсов, вагоны разбросаны по земле как игрушечные. Они тянутся в лес и исчезают из поля зрения. Из вагонов впереди выползают другие пассажиры – некоторые со сломанными руками и ногами, многие с ранами от аварии. Все они идут,

едва передвигая изуродованными конечностями по рельсам. Все они ждут, как и я.

Музыка подчиняет меня, прижимает к земле между вагонами, как жука. Я не могу пошевелиться. Ее песня приказывает мне не двигаться, ждать. Разум кричит: «Беги!» Но тело не слушается. Я не могу сдвинуться с места, не могу думать. Едва могу дышать. Она скоро придет. Поглотит меня. И я не стану сопротивляться.

Страх разверзается внутри меня зияющей бездной.

Я больше никогда не увижу отца или Авелу.

Из передней части поезда снова и снова доносится один и тот же звук: хлопки и треск чего-то ломающегося. Я понимаю, что это чьи-то тела, чьи-то кости.

Над головой ветер ерошит деревья. Ветки стонут, листья шелестят. И на фоне всего этого ее песня становится громче и громче. Она проглотит весь мир. Проглотит меня.

Я даже не могу закрыть уши, чтобы не слышать ее всепоглощающий призыв.

Просто лежу и жду ее прибытия. И дрожу, дрожу.

Отец. Авела. Перед глазами все размывается от слез.

Сквозь деревья мелькает зелено-серебряным пятном сирена. Крики усиливаются, подкатывают ко мне морской волной. Но они не перебивают ее песню. Даже не заглушают.

Она уже близко, в пяти вагонах от меня. Ее тело имеет очертания, отдаленно напоминающие женскую фигуру, но она очень, очень высокая и неестественно худая. Вместо ко-

жи у нее серебристо-белая кора, и она одета в зеленые и золотые листья – круглые, как монеты. Из ее ладоней выстреливают ветки, обхватывают вагон и ломают его с такой легкостью, будто это яичная скорлупа. Она вытаскивает пассажира за шею и одним резким движением ломает ее, после чего швыряет несчастного на землю.

У меня вырывается крик. Я пытаюсь бороться с музыкой. Твержу себе: «Вставай, беги!», но тело не слушается.

Так что я просто лежу. Лежу и наблюдаю, как она всех убивает.

Трупы. Их так много. Она раскидывает их по траве, бросает на искореженные останки поезда. Они изломанные и окровавленные: у одних скрючены конечности, у других в безжизненных глазах застыл последний крик. Из земли вырываются лозы и затягивают трупы вниз.

Сирена в двух вагонах от меня. В одном. После каждого убийства она на секунду присаживается у человека, и что-то на ее шее сияет серебром. Ее песня ни на секунду не прерывается.

Я чувствую ее музыку в каждой частичке себя: она пульсирует в моих венах, отягощает кости. Это последнее, что я услышу в своей жизни.

Сквозь деревья просачивается жутковатый красный свет, и на задворках моего сознания всплывает мысль, что за лесом садится солнце.

Но звезд мне уже не увидеть. И не попрощаться с отцом

и Авелой.

Я содрогаюсь от рыданий.

В вагоне передо мной нет пассажиров, а если и были, то погибли при аварии. Можно сказать, им повезло. Я вспоминаю старика с газетой, умершего от удара. Ему не придется умирать так, как мне: в тисках кошмара, от руки монстра. Сирена подходит ближе, ее движения дерганые и странные, как у дерева, гнущегося на ветру. Она вонзит в меня свои когти. Сломает пополам и швырнет на землю, которая поглотит мое тело, как всех остальных.

Но сирена останавливается в трех шагах от меня и закрывает рот. Ее песня обрывается. Она смотрит на меня. Древесная сирена *смотрит на меня*.

Вблизи она еще более чудовищна. В серебряных волосах спутаны желтые листья. На макушке корона из фиалок. На руках – кровь.

Я весь трепещу, смутно осознавая, что ко мне возвращается свобода действий. Тело покалывает от острой, как игла, боли, кровь вновь приливает к затекшим конечностям. В голове царит полный хаос от страха. Я по-прежнему не могу пошевелиться – ее взгляд приковывает меня не хуже, чем песня. На ее шее, на кусочке лозы, висит кулон. Он источает слабое серебряное сияние, которое отражается в ее глазах.

Сирена открывает рот, и я ежусь. Шанс упущен. Нужно было удирать в ту же секунду, как она перестала петь.

– Беги, – рычит сирена.

Глава пятая. Монстр

Сфера на моей шее отяжелела от душ. Они тяготят меня.

Во тьме лежит мальчик.

Он смотрит, но не прячется.

В нем есть что-то странное.

Его душа отличается от других.

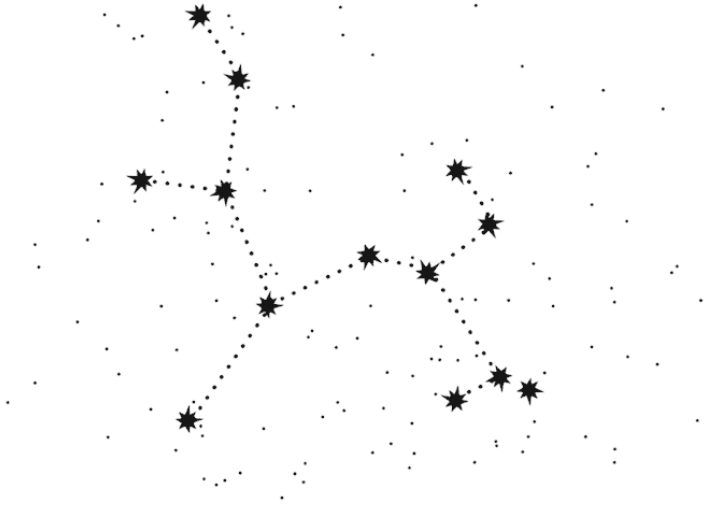
В ней видна знакомая искра.

Я не хочу убивать его, чувствовать его теплую и влажную кровь на руках.

Не хочу его душу.

Она мне не нужна.
Сфера наполнена.
Она ни о чем не узнает.
Он
скрывается
в
ночи.
Я его отпускаю.

Глава шестая. Оуэн



Я бегу в кромешной темноте, ноги шлепают о шпалы, дыхание выходит лихорадочными рывками. Ребра пронзает боль. Я спотыкаюсь о шпалу, но быстро поднимаюсь и бегу дальше. Нельзя останавливаться. Или я труп.

Боже мой…

Трупы. Так много трупов. Их образы заполняют мой разум. Как бы я ни бежал, от них не скрыться.

Боже мой…

Из горла вырывается всхлип. Деревья перешептываются

и скребутся над головой, разгоряченное лицо обдувает жуткий ветер. Я бегу, бегу и бегу, следуя по железнодорожным путям, – это моя единственная надежда выбраться отсюда. Но как далеко поезд заехал в лес? Сколько часов я проспал? Может, мы почти доехали до Сайта. Может, я вообще бегу не в ту сторону.

Но… о, Господи, нет. В другую сторону пошла она. Древесная сирена.

Монстр.

Шлеп, шлеп, шлеп – шлепают мои ноги по шпалам. Пульс так участился, что я не успеваю считать удары. Я жадно втягиваю воздух, будто тону – может, так оно и есть. Тону в листьях, ветках и в ее ужасных глазах.

Теперь я знаю цвет глаз демона. Желтый.

Шлеп, шлеп, шлеп.

Я бегу и бегу. Уже не чувствую ног. Мой разум словно отделился от тела, и кажется, будто я парю где-то высоко наверху, наблюдаю за своими тщетными попытками вырваться на свободу.

Она перестала петь. Это единственная причина, почему ко мне вернулась воля. Я не питаю никаких иллюзий насчет того, что она действительно меня отпустила. С чего бы? Она – кошка, а я – мышка, и в любую секунду она сомкнет на мне свои когти, погоняет между лапами и бросит мое сломанное тело в лесу, как всех остальных.

Боже мой… Тело молит меня остановиться. Разум требует

бежать дальше.

Она была зеленой и золотой. Серебряной и фиолетовой. И с алыми от крови руками.

Деревья наблюдают за моим вялым продвижением по дороге. Я бегу, пока не подкашиваются ноги, а затем ползу по железнодорожным путям, не обращая внимания на дырки в штанах и на исцарапанные до крови ноги. Я не принимал сознательного решения остановиться, просто в какой-то момент понимаю, что свернулся между рельсами и дрожу.

Боже мой… Я умру здесь. Я больше никогда не увижу отца или Авелу. Никогда не поговорю с Майрвэн Гриффит.

Серебряная и желтая, фиолетовая и зеленая. С кровью на руках.

Голова пульсирует, тело ноет от боли. Серебряная и желтая, фиолетовая и зеленая. Алая, алая, алая.

Внезапно я вижу не пассажиров поезда… а свою мать. Ее тело окровавлено и сломано, глаза смотрят в никуда, из-под лоз мерцает золотом выбившаяся прядь, но затем ее затягивают под землю. Никто не заслуживает такой смерти, и тем более – моя мама. Только не она.

Я оплакиваю ее, впервые осознав, что она действительно исчезла. Отец понял это с самого начала. И это сломило его, телом и душой.

Меня охватывает усталость. Где-то в подлеске шуршат звери. Ветер треплет листья наверху.

Я хочу спать. Не хочу видеть серебряное и желтое, фиоле-

товое и зеленое. Не хочу видеть алое. Сознание постепенно покидает меня. Я позволяю ужасу от Гвиденского леса убаюкать меня.

Просыпаюсь от тусклого оранжевого света и чьих-то рук, взявших меня под мышки. Подняв взгляд, вижу папино изможденное лицо с мрачно поджатыми губами.

– Ты один?

Я сбит с толку и не понимаю вопроса. Все тело болит, и на секунду я забываю, почему лежу на железнодорожных путях посреди леса. Я не понимаю, что тут делает мой отец.

– Оуэн, – ласково обращается он. – Кто-нибудь еще выжил?

Воспоминания накатывают на меня волной, и я покачиваюсь под их весом. Отец придерживает меня за локоть.

– Она убила их, – еле выдавливаю я. – Она всех убила.

Он кивает, ничуть не удивившись.

– Держись рядом. Нужно как можно скорее уходить отсюда.

Отец затыкает мне уши воском и обвязывает наши головы шарфами.

Мир внезапно приглушается.

Папа поднимает факел с земли – источник оранжевого света – и машет им перед собой, как мечом. Затем берет меня за руку, и я плетусь за ним вдоль путей. Кажется, будто это какой-то сон. Может, так оно и есть.

Мы идем в быстром темпе. Деревьям не нравится папин

факел, они шипят и отступают. Остается только молиться, что они не позовут свою госпожу. Огонь вызовет у нее лишь смех, когда она вопьется в нас когтями и сломает, как сухие палки.

Небо уже светлеет. Я думал, что не доживу до утра, но вон впереди рваные края рассвета. От его вида у меня перехватывает дух.

А затем мы выходим из леса и сворачиваем на юг к дому. Шарфы не снимаем и воск из ушей не достаем, пока в поле зрения не появляется башня обсерватории, сияющая в утреннем солнце.

Мы останавливаемся у садовых ворот, и, повернувшись, отец берет меня за плечи.

Я двигаю челюстями, пытаясь подобрать слова, чтобы выразить благодарность, печаль и облегчение. Но их не существует.

– Как?.. – начинаю я.

– Прошлым вечером я зашел на телеграфную станцию по пути от Бреннана. От тебя не было телеграммы, так что я запросил информацию по твоему поезду. Он так и не доехал.

Меня всего трясет, я не могу остановиться. Только папино присутствие придает мне хоть каких-то сил.

– Почему ты пошел меня искать? Откуда ты знал, что я не…

– Я уже потерял жену и не собирался терять сына, – его голос срывается от переизбытка эмоций. – Я бы сжег лес до-

тла, лишь бы найти тебя. Я бы пронзил ножом сердце ведьмы. Я бы уничтожил весь мир, чтобы не потерять тебя.

Я ему верю.

Он притягивает меня в объятия и крепко прижимает к груди, пока я дрожу.

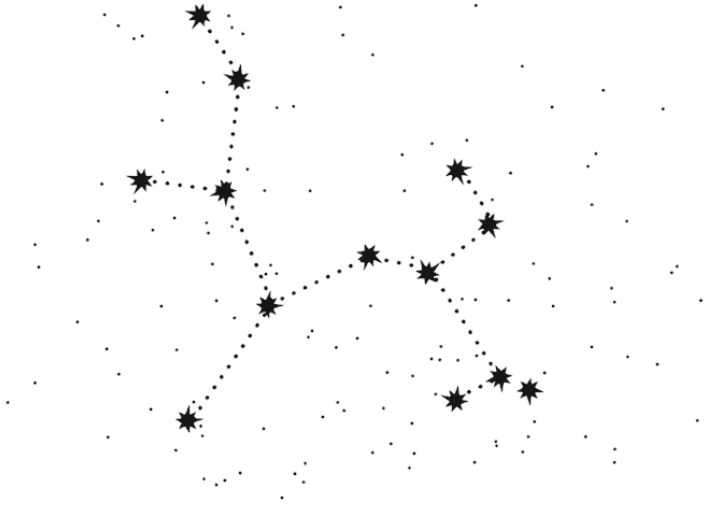
Теперь я в безопасности. Не нужно бояться.

Но мне все равно страшно.

Ужасно, ужасно страшно.

Отец уходит на ферму Бреннанов за Авелой, а я заползаю в кровать и пытаюсь уснуть. Но все, что я вижу, – это желтые глаза и алую кровь, стекающую с ее рук.

Глава седьмая. Оуэн



Мы потеряли маму, когда Авеле исполнился год.

На полу под кухонным столом были рассыпаны крошки от торта. После обеда мама уложила Авелу в кроватку и вынесла виолончель в сад – ей нравилось играть для птиц и записывать там музыку на восковые цилиндры для фонографа. Она сочиняла собственные песни, но всегда говорила, что им научило ее сердце или их нашептал на ушко ветер. Иногда я гадал, не играла ли она песни дочерей лесной ведьмы, но никогда не спрашивал.

А, наверное, стоило.

Мне нравилась мамина музыка. Я тоже немного играл – когда она взялась за мое обучение, я был таким маленьким, что казался карликом на фоне виолончели, а смычок едва умещался в ладони. Я любил играть, но понимал, что никогда не буду так хорош, как она. Вся ее душа была наполнена музыкой; мою же наполняли звезды.

В тот день я читал в комнате научный журнал отца о строящемся в Сайте телескопе, которому хватит мощности, чтобы заглянуть в космос глубже, чем когда-либо прежде. Из сада доносилась мамина музыка.

Внезапно та оборвалась на середине. Удивившись, я выглянул в окно и успел увидеть, как мама уронила виолончель на капусту и решительно пошла в сторону Гвиденского леса.

– МАМА! – крикнул я, кидая журнал на кровать, и помчался вниз.

Услышав мой крик, отец тоже выбежал на лестницу, и мы выскочили на улицу как раз в тот момент, когда подол маминого платья скрылся среди деревьев.

– Эйра! – закричал папа и устремился за ней.

– Отец! Отец, стой!

– Останься с Авелой! Береги ее.

А затем лес поглотил и его.

Я расхаживал из стороны в сторону перед домом, испытывая скорее шок, чем страх. Во мне не было сомнений, что отец вернет маму домой. Тогда я не боялся Гвиден – по край-

ней мере, не больше, чем любой ребенок боится монстра из сказки.

Но когда Авела проснулась, а родителей все не было, я испугался.

Когда солнце село, небо заволокли тучи, Авела заплакала от голода, а они все равно не вернулись, страх сомкнул на мне львиные челюсти. Я накормил сестру остатками праздничного торта и кашей с комочками, так как больше ничего не умел готовить. Когда пошел дождь, выбежал на улицу, чтобы занести мамину виолончель. А когда снаружи резко похолодало с приближением весенней ночи, закинул уголь в печку.

Я уложил Авелу в кроватку, вспоминая все песни, которые ей обычно пела мама. Смел крошки от торта с пола. И свалился перед камином, гадая, не стал ли я сиротой.

Должно быть, я задремал, а когда посреди ночи грохнула входная дверь, я резко проснулся и увидел отца, заходящего в дом на заплетающихся ногах.

Он выглядел так, будто прошел через ад. Его одежда была порванной, шея и лицо расцарапаны, руки покрывала запекшаяся кровь. В темных волосах спутались листья.

– Отец? – прошептал я.

Он рухнул на пол и расплакался, содрогаясь всем телом.

– Ее больше нет, – сдавленно повторял он снова и снова. – Ее больше нет.

На следующий день отец взялся строить стену, работал в

поте лица от зари до зари, почти не ел и не спал. Трудился до тех пор, пока не разодрал руки и его кожа не посерела от строительного раствора. Он не останавливался, пока не закончил ограду: длиной в полтора километра и высотой в полтора метра. Она должна была защитить нас от Гвиден, но я понимал, что она представляла собой на самом деле: мемориал для мамы. Доказательство папиного позора и вины. Ведь построй он ее раньше, как планировал, то, возможно, и не потерял бы маму.

Я ни разу не спрашивал, что он увидел в Гвиденском лесу, как сбежал, нашел ли маму, видел ли Гвиден или ее дочерей.

Мне всегда хотелось верить, что мама жива, что каким-то образом ей удалось спастись.

Больше я не питаю таких иллюзий.

Отец спас меня.

Но ее спасти не смог.

* * *

Остаток дня и весь следующий отец проводит со мной и Авелой. Хорошо, что он дома. Я не знаю, как уделить Авеле должное внимание, когда моя голова раскалывается от попыток забыть желтые глаза и серебристо-белую кожу. Забыть крики пассажиров, треск их костей, песнь древесной сирены, которая прижала меня к земле и сделала беспомощным.

Днем, во всяком случае, мне нужно прополоть сад, при-

готовить еду и воспрепятствовать шалостям Авелы (тщетная задача). По ночам мы с отцом заполняем звездные карты и попиваем чай с корицей. Но после, когда я заползаю в кровать и пытаюсь уснуть, ничто не мешает тому дню в лесу проигрываться в моей голове снова и снова – бесконечный парад крови и листьев, увенчанных короной из фиалок.

Невозможно определить тот момент, когда мои мысли сменяются кошмарами, ведь что во сне, что наяву я вижу одно: желтые глаза, серебряную кожу и алую кровь, капающую на землю.

Но во сне древесная сирена не дает мне уйти. Во сне она не прекращает петь, даже когда вырывает сердце из моей груди, даже когда ломает мне все кости и бросает задыхаться под кружащимся небом, даже когда жизнь покидает меня наряду с кровью. Даже в смерти я слышу ее песнь.

Она убивает меня снова и снова, ее зубы впиваются в глотку, ветки пронзают грудь. Я тону в грязи, листьях и крови.

А затем просыпаюсь с криками на устах. Сердце бешено колотится, тело скользкое от пота.

После этого сон меня покидает. Я надеваю халат и поднимаюсь в обсерваторию. Открываю купол и настраиваю телескоп. Планеты, звезды и старые истории о созвездиях дают мне необходимое утешение.

Астрономы предполагают, что созвездия не всегда выглядели так, как мы видим их сейчас – мало-помалу они сместились со временем. Возможно, через пару тысяч лет я бы да-

же не узнал Туисог Милейниг – Злобного Принца – или Морвин, Деву. Вполне вероятно, что будущие астрономы переименуют эти созвездия, придумают им новые мифы. Но я не могу представить Злобного Принца кем-либо другим, кроме как вором, который предал Морвин и украл ее корону. Чтобы скрыться от нее, он сбежал на небеса и превратился в созвездие. Но ее не проведешь; она последовала за Принцем и теперь ежегодно гонится за ним по эклиптике, протягивает руку к короне, но никак не может поймать.

Разумеется, это полная чушь. Но мама обожала эту сказку.

Мысли о ней приносят боль. Я перевожу телескоп на другую часть неба и засыпаю на стуле, забыв о существовании всего, кроме звезд.

* * *

Отец возвращается к работе на ферме Бреннанов, а я продолжаю ежедневно ухаживать за домом и Авелой, собирая кусочки себя, которые откололись в Гвиденском лесу.

Это тяжело, даже очень. Как бы я ни старался, я не могу влиться в ритм привычной жизни. Меня не отпускает тревожное чувство, взгляд постоянно возвращается к деревьям над отцовской стеной. С каждым днем они опускаются все ниже, царапая камень листьями. Такое ощущение, будто лес наблюдает за мной. Ждет.

Я не доверяю ему. И не доверяю себе рядом с ним.

Поэтому я стараюсь не выпускать Авелу из дома, насколько это возможно.

В отместку она научилась самостоятельно открывать дверь, и тогда уж приходится с ней гулять, чтобы хотя бы знать, где она.

Папиной стене я тоже не доверяю.

Весна сменяется летом. Авела помогает мне собрать первую клубнику с огорода. Большая часть ее ягод так и не попадает в корзинку, и скоро она вся измазывается в липком красном соке. Я умываю ее водой из насоса, а она смеется, извивается и кричит.

– Пойдем внутрь, малышка, пора обедать.

– Хочу гуля-я-я-ять! – протягивает сестра.

Я не могу ей отказать и устраиваю пикник; мы трапезничаем на подстилке под прямыми лучами теплого солнца. Из леса дует прохладный ветерок, принося запах земли, растений и этой едкой вони чего-то мертвого. Я выкидываю из головы воспоминание о желтых глазах и крови, капающей с серебристой кожи.

Усталость давит на меня тяжким грузом. Прошлой ночью кошмары снова вынудили меня пойти в обсерваторию – как и каждую ночь с тех пор, как отец спас меня, – а Авела проснулась раньше обычного. Она съедает половину картофельной запеканки с бараниной, слизывает подливу с пальцев и требует молока. Я ложусь на подстилку, а сестра, попивая молоко, прислоняется к моей груди и опускает голову

мне на плечо.

Деревья перешептываются, в огороде мирно жужжат пчелы. Подстилка такая мягкая… Мои веки плавно смыкаются.

Впервые за пару недель я впадаю в глубокий сон без сновидений. Какой-то частью сознания я уверен, что Авела тоже спит у меня под рукой.

Но когда я с дрожью просыпаюсь, уже далеко за полдень и я один, пустая бутылочка Авелы валяется рядом.

С секунду я не понимаю, почему меня внезапно охватил парализующий страх. А затем поднимаю взгляд и вижу дыру в папином ограждении.

Нет. Нет. Это все не по-настоящему. Мне снится сон.

Я рывком поднимаюсь и бегу к стене. Земля бугрится от корней дерева, которые каким-то чудом выросли за то короткое время, что я спал, и сместили камни. Дыра достаточно большая, чтобы через нее пролез ребенок. В платье того же голубого цвета, что клочок ткани, зацепившийся за острый край камня. Деревья устрашающе шелестят, хотя ветра нет.

Я не могу дышать. Это сон.

Но когда я провожу пальцем по обломку камня, то резко втягиваю воздух от укола боли и выступившей капельки крови.

Мое внимание привлекает что-то за стеной, что смотрится не к месту на фоне подлеска.

Это ботиночек Авелы: потертая коричневая кожа, расстегнутый ремешок.

Я перелезаю через стену, прыгаю с другой стороны и поднимаю его.

Я будто застрял в одном из своих кошмаров. Это не может быть правдой. Это сон.

Но нет, о Господи, это не так.

Меня бесконтрольно трясет. Пожалуйста, умоляю, пусть это будет сном. Я не могу вернуться туда. Не могу.

Деревья шепчутся вокруг меня, земля бугрится от новых корней, движущихся под землей, как живые существа.

Ужас душит меня, парализует. Но я не могу бросить сестру на съедение лесу. Нет. Я найду ее. И спасу, как отец спас меня. А затем мы втроем уедем отсюда. Далеко-далеко. И никогда не вернемся.

Не переставая дрожать, я прячу ботинок Авелы в карман и захожу под кроны деревьев.

Глава восьмая. Монстр

Души слишком тяжелые.

Я больше не могу их нести.

У основания ясеня есть небольшой кусочек земли, густо поросшей мхом. На нее пятнами падают лучи солнца.

Я присаживаюсь на колени, снимаю сферу с шеи.

И закапываю ее.

Души потекут по жилкам в земле,

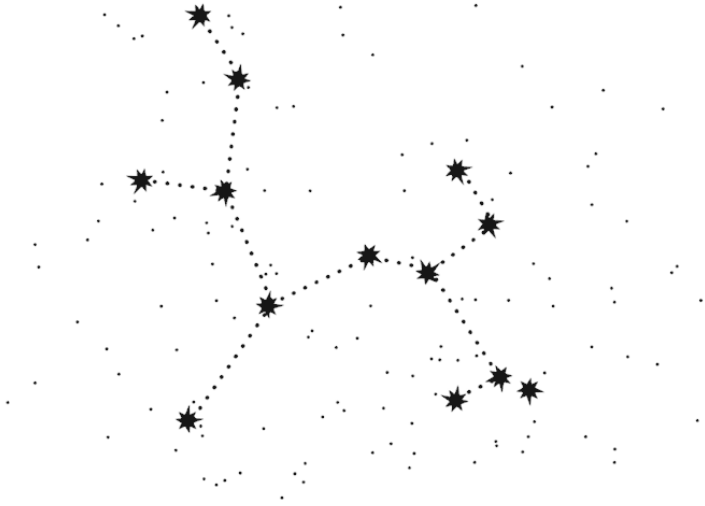
прямиком в бессердечное дерево.

Они придадут сил моей матери.

Станут для нее пищей.
Мне легче
без сферы.
Достаточно,
чтобы поспать.
Я должна вернуться к ней.
Упасть к ее ногам
и получить новую сферу.
Убивать ради нее
и снова наполнить дерево душами.
Мне не хочется собирать их.
Но мамин приказ – закон.
Я
ее
создание.
И обязана повиноваться.
Но не сейчас, не сейчас.
Здесь так умиротворенно.
Так уединенно.
Так тихо.
Я выпрямляю ноги,
закапываясь в землю.
Вытягиваю руки
к небу.
Мне снится,
что я снова

дерево.
Часть земли и звезд.
Я упиваюсь дождем,
ветром.
Олени кланяются передо мной,
птицы вьют гнезда в моих ветках.
Здесь нет крови.
Нет криков,
нет костей,
нет душ,
нет музыки.
Но есть голос: высокий, яркий.
Он
меня
пробуждает.

Глава девятая. Оуэн



Лес обволакивает меня. Воздух здесь плотный и прохладный, запах гнили усиливается. Небо заслоняют темные ветви, густо поросшие шелестящей листвой. Страх обжигает кожу, как тысяча жгучих крапив. Я, как величайший дурак, пришел в Гвиденский лес без оружия, даже воск не взял, чтобы заткнуть уши.

Я стараюсь избавиться от воспоминания о желтых глазах и серебряной коже. О запахе крови и треске костей.

И иду дальше.

– Авела, – тихо зову я. Хотел закричать, но лес поглощает мой голос. – Авела.

Ответа нет. Я изо всех сил пытаюсь не думать о том, сколько она уже бродит по лесу. Жива ли еще.

Деревья не издают ни звука, но я чувствую, что они наблюдают за мной. Слушают. Это старые корявые ясени, подлесок – путаница из плюща и гниющих листьев. Земля в постоянном движении: она холмится и впадает, а прямо под поверхностью невообразимо извиваются корни. Это пугает чуть ли не больше, чем сами деревья, – я не хочу, чтобы меня затянули под почву, задушили и поглотили. Вплоть до последнего вздоха я хочу видеть небо.

Я медленно иду вперед, смотрю под ноги и ищу хоть какие-то признаки, что тут была моя сестра. Ужасно боюсь пойти не в том направлении, не успеть спасти ее, потому что свернул направо, когда нужно было налево. Все во мне требует развернуться и кинуться обратно в безопасность.

Но я не брошу Авелу на милость леса.

Между деревьями задувает ледяной ветер. Они будто склоняют головы, загораживая путь. Ветки цепляют меня за рукав. Вскрикнув, я дергаюсь вперед, и рубашка рвется. Кожи касается холодный воздух. Я ускоряю шаг.

Спустя пару секунд нахожу среди гниющих листьев у основания очередного ясеня второй ботинок Авелы. Прячу его в карман. Внутри загорается надежда – она не могла уйти далеко босиком. Я ее найду. И мы успеем вернуться домой

к чаю.

Миную скопление фиалок – темных, как яд, на фоне лесной подстилки. На кусте висит лента Авелы: она сильно истрепалась и так запуталась, что ее невозможно отцепить.

– АВЕЛА!

На этот раз мой голос звучит громоподобно в мертвенной тишине. Ветки со скрипом колышутся. Деревья прислушиваются. Наблюдают. Наблюдают. И уголек надежды в моей груди чахнет.

Серебристая кожа и пестрые волосы. Желтые глаза. Фиалковая корона. Образы маячат перед глазами, и я больше не могу выбросить их из головы.

Но в воздухе не слышно музыки. Моя воля по-прежнему принадлежит мне.

Я иду быстрее, земля подозрительно остановилась. Выискиваю Авелу за каждым деревом. Но ее нигде нет.

Где-то за лесом день идет на убыль. Свет постепенно угасает, воздух становится зябким. Скоро отец вернется домой. Нужно найти Авелу и привести ее до того, как он отправится за нами в лес. Сомневаюсь, что деревья отпустят его в третий раз.

Я почти бегу, давя под ногами палки и опавшую листву. Их хруст звучит одновременно приглушенно и оглушительно. По пути снова попадаются фиалки… или это те же? Нет, быть того не может. Но тут я вижу рваную ленту Авелы, трепыхающуюся на кусте.

Меня сковывает страх. Уже почти стемнело. В темноте мне Авелу не найти. Я даже дорогу домой не найду! Сирена споет. Скует меня музыкой, сломает серебряными руками и бросит на поглощение земле.

– АВЕЛА!

Но ответа нет. Я захожу глубже в лес, топча ногами фиалки. Их аромат цепляется за меня – до того сладкий, что вызывает тошноту.

Я бегу наперегонки с заходящим солнцем и собственной пульсирующей паникой; деревья дергают за одежду, ветки царапают шею и лицо. Даже если бы я знал дорогу домой, то не вернулся бы туда без сестры. Я не брошу ее умирать в этом Богом забытом месте.

Солнце почти зашло, когда я выбегаю из-за деревьев на небольшую поляну с одной-единственной светлой березой посредине. Остатки заката окрашивают небо алыми брызгами, но этого света хватает, чтобы увидеть голубое пятно у основания березы.

Я кидаюсь к нему, из горла вырывается крик:

– Авела!

И тут береза шевелится.

Боже мой…

Это вовсе не береза.

Над моей сестрой склонилась сирена, ее зелено-желтые волосы струятся на неподвижное тело Авелы, голова увенчана короной из роз.

Я бросаюсь к Авеле, думая лишь о том, что нужно отобрать ее у сирены. Из земли стремительно поднимаются корни и сбивают меня, обвивая ногу.

Стоит мне моргнуть, как рядом появляется еще одна сирена – высокая и серебристо-белая – и оттягивает первую от моей сестры. Они шипят друг на друга: одна с розами в волосах, другая с фиалками. Они похожи и в то же время нет – монстры одной крови.

– Оставь ее, – цедит сирена с короной из фиалок, та самая, что убила всех пассажиров в поезде. – Оставь ее мне.

Ее голос похож на порыв ветра среди мертвых деревьев.

– Я первой ее нашла, – шипит вторая. – Ее душа моя.

– Я принесу ее нашей матери как искупительную жертву.

– Ты поздно вернулась. Она разозлится.

Сирена с фиалковой короной рычит. Ее зубы блестят как кости.

– Поэтому я и должна забрать ребенка.

– Он тебя не спасет.

По поляне проносится ветер, взметая волосы сирен вокруг плеч и листья вокруг их колен. Тем временем Авела не двигается, а я не могу дышать, не могу дышать, вдруг она уже мертва?

– Ты и так заслужила мамино расположение, – говорит сирена с фиалковой короной. – Что для тебя одна душа?

– Я понимаю, почему мама тебя презирает. Ты глупая. И слабая.

Сирена с розами в волосах проводит когтями по оголенной руке сестры, и из ран сочится темная жидкость. А затем разворачивается и скрывается в лесу.

Корень отпускает мою ногу. Я спешно встаю и бегу к Авеле.

Сирена с фиалковой короной поворачивается ко мне и быстро, как змея, хватает за горло. Я кряхчу и извиваюсь в ее руках, мои ноги болтаются в воздухе. Царапаю ее ладони, чтобы высвободиться, но она сжимает меня крепче и крепче. Я не могу, не могу дышать! Боже мой… Перед глазами появляются светлые пятна, мир чернеет по краям. Я задыхаюсь и даже не могу закричать.

Как вдруг она отпускает меня, и я падаю на землю, судорожно втягивая воздух.

Надо мной возвышается ее темный на фоне леса силуэт – монстр в своем истинном обличье. В волосах подрагивают фиалки. Из ран на руке вытекает темная жидкость.

Я тяжело дышу и весь трепещу. Жадно глотаю воздух, но его недостаточно. Горло невыносимо саднит. Меня трясет и трясет. Из глаз льются слезы. Она убьет меня. Убьет Авелу. А когда за нами придет отец, убьет и его. От нас ничего не останется, кроме костей, разбросанных и поглощенных лесом.

– Зачем ты пришел? – шипит сирена. – Кто ты такой, чтобы лишать меня трофея?

– Умоляю, – слово с трудом продирается по саднящему

горлу. – Умоляю, пощади ее. Делай со мной все, что захочешь, но не трогай мою сестру. Пожалуйста.

– Сестру? – Древесная сирена присаживается передо мной, ветер развевает ее длинные волосы.

В небе над поляной одна за другой появляются звезды и откидывают серебристое сияние, смягчающее ее образ. В нем она выглядит менее чудовищно. Но это еще больше пугает меня.

– Она просто ребенок, – сиплю я, – почти младенец. Пожалуйста, отпусти ее.

Сирена наклоняет голову. Ее глаза мерцают.

– Что ты предлагаешь в обмен на ее жизнь?

У меня сжимается сердце. Я занимаю сидячее положение, не позволяя себе отшатнуться из-за ее близости. От нее пахнет глубокой землей и новыми растениями. И фиалками.

– Свою жизнь.

Она презрительно кривит губы.

– Нельзя отдать душу за душу.

– Это все, что у меня есть.

Мой взгляд сосредотачивается на маленьком тельце Авелы, ее грудь неизменно вздымается и опадает. Каким-то образом она уснула посреди кошмара и мрака Гвиденского леса.

– Кто ты? – требовательно спрашивает сирена. – Почему преследуешь меня?

Я удивленно смотрю на нее, все еще чувствуя прикосно-

вение рук, сжимавших мою шею.

– Я не преследовал тебя. Я шел за Авелой.

Она прищуривается. Ветер быстро усиливается, взметает волосы вокруг ее лица и рывком поднимает мертвые листья, что с шелестом проносятся мимо нас.

– Ты был там. В лесу. Последняя душа с железной машины. – Ее лицо ожесточается в серебристом свете. – Я отпустила тебя, хотя не следовало. Больше это не повторится.

Страх колотится с такой силой, что мне трудно дышать.

– И не надо. Отпусти мою сестру. Позволь мне отвести ее домой к отцу. А затем делай с моей душой все, что угодно.

Она окидывает меня холодным взглядом.

– Не стоило тебе приходить сюда.

Внезапно из лесной чащи доносится музыкальная трель – песня, что оплетает мой позвоночник и заставляет сесть прямо… еще одна сирена. Я неосознанно встаю и поворачиваюсь в сторону, откуда слышится песня.

Древесная сирена шипит и хватает меня за запястье грубыми пальцами.

– Ты слаб, – фыркает она. – Как и все они. Легкая добыча для моих сестер.

Я вырываюсь из ее хватки, но она берет меня за вторую руку и дергает на себя. Сирена выше меня почти на тридцать сантиметров и облачена в листья, которые сшиты вместе прозрачной нитью.

– Я думала, что ты сильнее других, – шипит она мне в

волосы. – Но ты полетишь к моим сестрам, как мотылек к пламени, и не важно, что оно сожжет тебя.

Сердце бешено и прерывисто бьется, пульсирует в шее и на запястьях, на которых сомкнуты ее древесные пальцы.

– Так что, отпустить тебя к ним? – Сирена наклоняет голову, открывая вид на изгиб странной серебристой щеки, блестящие ресницы, резкую линию губ. – Они, не мешкая, вырвут душу из твоего тела, и из ребенка тоже.

Я борюсь со страхом, но он с голодным ревом проносится по моему телу.

– Так чего же ты мешкаешь? – спрашиваю я дрожащим голосом.

Ее лицо становится суровым.

– Я еще не получила новую сферу от матери. Мне некуда спрятать ваши души. Придется тащить вас к ее двору, а он далеко, и я устала.

Что-то в ее тоне выдает ложь и подталкивает меня к действию.

– Сестре ты сказала другое.

Она снова шипит и швыряет меня на землю. Я приземляюсь на правое плечо.

– Тогда испытай удачу с моей сестрой!

Музыка плывет по ветру, манит меня, поднимает рывком на ноги. Я неуверенно шагаю в ее сторону против воли. Борюсь с ней изо всех сил, но этого недостаточно, и я делаю еще один шаг.

– Пожалуйста, не трогай Авелу. – Из груди вырывается всхлип, музыка заставляет меня идти вперед. – Не забирай ее к своей матери. Умоляю, отпусти ее. Она всего лишь ребенок и не заслуживает смерти в темноте. Пожалуйста. – Невольно делаю еще один шаг. – Пожалуйста.

Боже мой… Я все же умру в лесу. Я не избежал смерти, а лишь отсрочил ее.

Музыка тянет меня к себе, как рыбу на крючке. Деревья покачиваются, смеются и пляшут, аплодируя моему концу.

Я больше никогда не увижу отца и Авелу. Даже не попрощаюсь с ними.

В руку впиваются грубые пальцы и оттаскивают меня от высоких деревьев и завораживающей музыки. Древесная сирена наклоняется, и мы оказываемся лицом к лицу.

– Не двигайся.

Она тянет меня к месту, где лежит Авела. Я обнимаю сестру рукой и крепко прижимаю к себе. Все мое тело содрогается от рыданий, пока я целую ее в щеки.

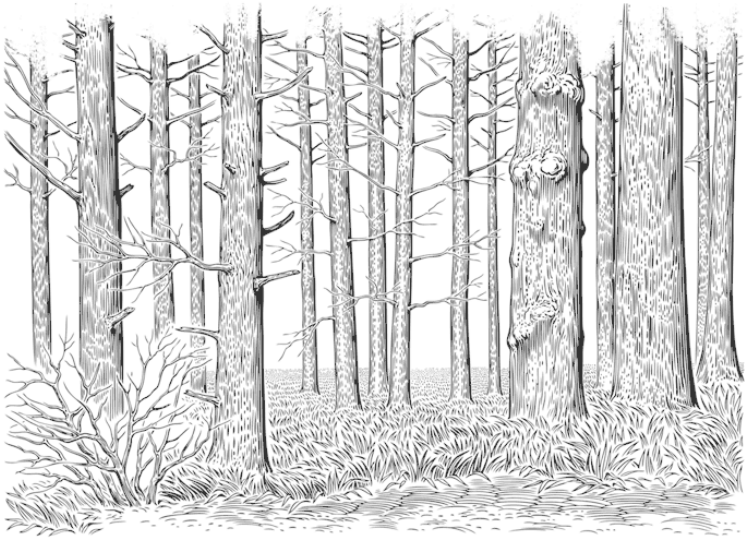
– Авела, Авела!

Но сестра спит.

– Закрой уши.

Это единственное предупреждение, которое дает мне сирена, прежде чем открыть рот и запеть.

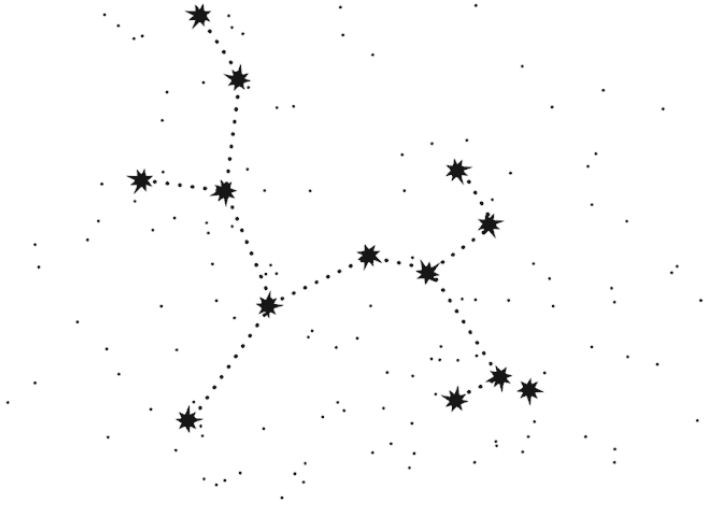
Глава десятая. Монстр



От мальчишки разит страхом и солью.
Он дрожит, как кролик на снегу.
Его душа трепетная,
но горит так ярко…
Я пою и пою
музыку, что заглушит сестер.
Они услышат.
Подумают, что жертва, пойманная их песней,
досталась мне.

И не станут охотиться на него в темноте.
Не скормят его душу своим сферам.
Он будет в безопасности.
Однако мальчишка скулит и дрожит.
До чего он хрупкий.
До чего легко было бы
разорвать его тело на кусочки.

Глава одиннадцатая. Оуэн



Она взмахивает руками, и из земли вокруг нас вырастают лозы, переплетаясь, как стебли в корзинке. Под ее песню они поднимаются выше и кусочек за кусочком закрывают звездное небо. Страх пожирает меня изнутри. Я крепко держу Авелу и стараюсь не чувствовать музыку древесной сирены, просачивающуюся в мою душу.

Прежде чем лозы полностью запечатают нас внутри, я поднимаю на нее взгляд. И с пару секунд потрясенно взираю на ее лицо, окутанное звездным сиянием, пока лозы не сплe-

таются в последний узел и тьма не поглощает нас целиком.

Сирена перестает петь.

Я жадно глотаю воздух, застыв от ужаса.

– Ты боишься темноты? – спрашивает она ехидным, злобным голосом. – Или только монстров, что таятся в ней?

– Что ты наделала? – мои слова звучат хрипло из-за саднящего горла.

– Спасла вас от своих сестер. От леса.

Я впервые вспоминаю о корне, который обвил мою лодыжку и прижал к земле, пока эта сирена отвлекала другую от Авелы.

– Почему?

Она шипит какое-то слово во мраке, и через щели между лозами залетают светлячки. Они мерцают и вспыхивают между нами. Ее лицо оживает от сотни мельтешащих теней. Вблизи она выглядит так странно. Кожа ее щек идет завитками и отслаивается. На костяшках пальцев – тонкие ростки. От взгляда ее желтых глаз меня пробирает дрожь.

– Я не хотела, чтобы моя сестра убила ребенка.

Ее признание меня удивляет.

– Почему?

Она молчит с долгую минуту. Наклоняет голову вбок.

– Я услышала ее смех в лесу. Раньше я никогда не слышала подобного звука среди деревьев. Мне не хотелось, чтобы сестра его обрывала.

Голова Авелы покоится у меня на руках. И как ей удает-

ся спать, когда вокруг творится такой кошмар? Но я только рад. Понятия не имею, как бы я все это ей объяснил. Как бы заставил сидеть на месте.

– А что насчет меня?

Сирена окидывает меня пристальным взглядом, будто видит сквозь кожу, мышцы и кости, вплоть до самой души.

– Я не знала, что сестра может быть той, за кого хочется отдать душу. Мои сестры жестокие, как и я. Даже будь у меня душа, я бы не пожертвовала ею ради них.

– Однако ты спасла нас.

Она отворачивается. Кажется, я разозлил ее, но не знаю чем. Ее серебристая кожа мерцает в сиянии светлячков.

За пределами шалаша, который она выстроила вокруг нас, на ветру звучит музыка древесных сирен. Я слышу ее, но она не может меня достать. Не может подцепить своими крючками и заставить плясать, как марионетку на веревочке. Сирена защищает меня. Оберегает. Но почему?

– А теперь спи, – говорит она. – До утра.

Я изумленно пялюсь на нее. Да как же тут уснуть, в компании монстра?

– Ты меня съешь.

Ее светлые брови сводятся к переносице, кожа скрипит и трескается.

– Спи! – приказывает она. Сила песни придает весомости ее голосу.

Я повинуюсь, как водится.

И проваливаюсь в сон.
Без сновидений.

Глава двенадцатая. Монстр

Он спит во мраке, прерываемом сиянием светлячков.

На его шее отпечатки моих ладоней. Я почти убила мальчишку.

Почти.

Его душа горит так ярко.

Мама придет в ярость, если узнает, что я сделала.

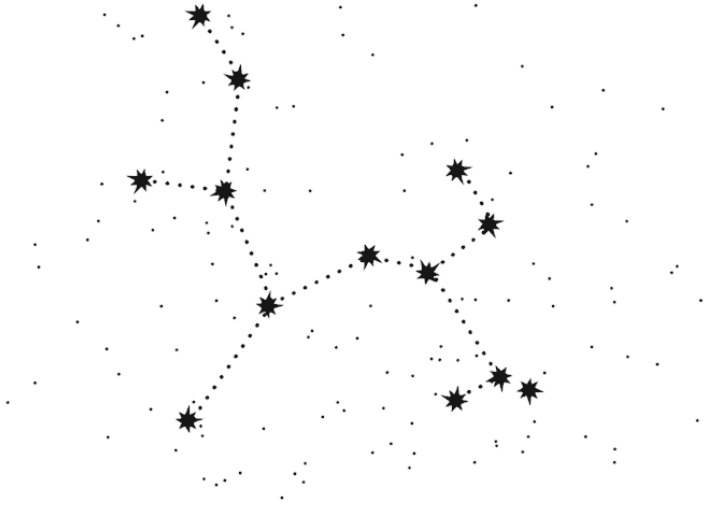
Она подарила мне сердце. И может его забрать.

Я боюсь ее.

Но

я
его
не
убью.

Глава тринадцатая. Оуэн



Я просыпаюсь и чувствую насыщенный аромат земли и диких цветов. Под щекой у меня мох, сбоку крепко прижимается Авела. Лучи солнца просачиваются сквозь щели в шалаше, который древесная сирена сплела вокруг нас. Сама она стоит тихо и неподвижно, отвернув голову.

Меня охватывает удивительное умиротворение, такое сильное, что я почти впадаю обратно в сон, но затем вспоминаю о своем страхе и резко сажусь. Авела хнычет во сне. Я беру ее за крохотную ручку.

Древесная сирена оборачивается. Этим утром ее желтые глаза выглядят ярче, а светлые ресницы едва заметно отливают зеленым.

– Ты уже проснулся, – говорит она. – Вставай. Я выведу вас из леса, пока он тоже не проснулся и не понял, что вы слишком тут задержались.

С секунду она ничего не делает, просто наблюдает за мной. Я замечаю, что ночью фиалки в ее волосах закрылись и вот снова открываются. Наверное, они неотъемлемая часть ее.

Сирена поднимает руки, ее серебристо-белая кожа покрыта пятнами и местами отходит завитками.

Сирена касается веток, что сплелись вокруг нас, и они распутываются слой за слоем, пока полностью не исчезают. На ее лбу выступают капельки пота. На волосы приземляется индиговая бабочка и пьет нектар фиалок.

Авела по-прежнему спит, сжимая кулачки на моей рубашке.

– Почему она не просыпается?

Внезапно меня охватывает страх, что она никогда не проснется.

Дочь Гвиден опускает на нее взгляд. По лесу проходит ветер, с шепотом проносясь мимо моего уха, и древесная сирена будто начинает мерцать.

– Я не хотела, чтобы она испугалась моей сестры, и усыпила ее. Когда она проснется, то подумает, что все это было

странным сном. Ну, пойдем. Лес наблюдает за нами.

Ко мне приходит осознание, что она и меня вчера усыпила, но я слишком растерян, чтобы злиться.

Сирена белой тенью скользит между деревьями. Я поднимаю Авелу и иду за ней.

При ходьбе она не издает ни звука, а лес будто расступается, чтобы открыть ей путь. Нести Авелу все тяжелее, руки дрожат от прилагаемых усилий, но сирена не останавливается, а я не осмеливаюсь попросить.

Мы все идем и идем – Авела не могла зайти так далеко, и даже я не помню, чтобы дорога занимала столько времени. Я не узнаю эту часть леса, все выглядит незнакомо. Насыщенный, глубокий запах суглинка перебивает сладкий аромат фиалок и меда.

Когда я понимаю, что вот-вот упаду от усталости, за деревьями впереди наконец мелькает окно обсерватории, и я чувствую запах мяты и базилика, что растут у нас в огороде.

На поверхности непоколебимой стены, построенной отцом, нет ни намека на дыру, через которую пролезла Авела.

Древесная сирена останавливается у самого края стены и поворачивается ко мне. Фиалки в ее волосах завяли. Внезапно она кажется юной или грустной, или и то и другое. Не знаю почему.

– Как тебя зовут? – Ее голос похож на высокое вибрато колеблющейся скрипки.

– Оуэн Меррик. – Я поудобнее беру Авелу. – А тебя?

Она прищуривается.

– Я младший монстр своей матери. У меня нет имени.

– Все живые существа заслуживают имя.

– Даже монстры?

Как ни странно, при свете дня она уже не внушает такой страх, как во тьме леса. Я все еще помню о крови, капавшей с серебристо-белых пальцев, хруст костей, груду трупов. Но она спасла Авелу от своей сестры. Спасла меня. И это что-то да значит. Должно значить.

– Даже монстры.

– Как бы ты меня назвал, Оуэн Меррик?

Я вспоминаю ее лицо с прошлой ночи, залитое звездным сиянием, прежде чем шалаш сомкнулся вокруг нас. И этот образ больше, чем что-либо другое смущает и тревожит меня.

– Я бы назвал тебя Серена.

– Серена. – С ее уст слово звучит грубовато, полным острых углов. – Что это значит?

– Вэн? – сонно произносит Авела, зевая и потирая глаза, и наконец-то, наконец-то просыпается.

Я еще секунду смотрю на древесную сирену. Она еще секунду смотрит на меня.

– Оно значит «звезда».

Она касается моего лба серебряным пальцем, и по мне проносится холодок. Затем, под шум ветра и шелест деревьев, сирена сливается с лесом, и мы с Авелой остаемся од-

ни.

Я бы даже поверил, что все это было странным сном, если бы не увядшая фиалка, выделяющаяся ярким пятном на лесной подстилке. Авела вырывается у меня из рук, а я наклоняюсь, чтобы поднять цветок и спрятать его в карман. Я не хочу забывать ее, а чутье мне подсказывает, что именно это и произойдет без материального напоминания.

Мы стоим у той части стены, где должна быть дыра, но от нее и следа не осталось. Все выглядит так, будто лес достал камни, чтобы заманить Авелу, а затем положил их на место. Я вспоминаю корни, извивавшиеся под землей, и передергиваюсь.

Посадив Авелу себе на спину, велю ей крепко держаться за шею, забираюсь на стену и осторожно опускаю ее на землю с другой стороны. Затем сам прыгаю, и в этот момент отец выходит из дома.

– Папа! – визжит Авела, мчась ему навстречу.

Его волосы растрепаны, рубашка и штаны мятые. Руки исцарапаны, будто он всю ночь бил ими о грубый камень. При виде Авелы он стонет с облегчением, берет дочь на руки и плачет ей в шею.

Я подхожу к ним, и отец прижимает меня к себе. Все его тело содрогается от рыданий.

– Я думал, что потерял вас! – всхлипывает он. – Я думал, что потерял вас, как Эйру. Лес не пускал меня. Он не давал мне пройти.

– Мы дома, отец. Мы в безопасности.

Я даже не осознаю весь смысл его слов, пока не оглядываюсь. Стену испещряют темные пятна, и мой взгляд возвращается к огрубевшим рукам отца.

«Он не давал мне пройти».

Авела освобождается от его объятий и бежит в дом, требуя хлеба, молока и клубники. Мы с отцом следуем за ней внутрь.

* * *

За завтраком – хотя аппетит есть только у Авелы – отец рассказывает мне, что произошло. Я попиваю чай и пытаюсь собрать мысли в кучу, не обращать внимание на холодное серебристое чувство в голове. Отец даже чай не пьет, просто держит чашку в широких ладонях, которые полностью ее накрывают.

– Когда я вернулся с фермы Бреннанов, вас не было дома. Я сразу же понял, что лес забрал вас… нутром это чуял. Поэтому я заткнул уши воском и зажег факел. Много раз пытался перелезть через стену, но деревья шипели и отталкивали меня. Пробовал обойти ее, но стена никак не заканчивалась. Я бил по камням молотом, но они не разбивались. И я знал, знал, что вы заперты по ту сторону, как и я здесь. До меня доносилась песнь сирен. Я думал, что они поглотили вас. Да поможет мне Бог, Оуэн! Я думал, что вы мертвы!

Отец закрывает лицо руками, и у него из груди вырывается душераздирающий стон.

– Папа! – Авела обеспокоенно дергает его за руку. Ее лицо испачкано в меде, к подбородку прилипли хлебные крошки.

Отец сажает ее на колени и обнимает так крепко, что она с криком вырывается. Найдя кубики под столом, сестра весело складывает их, а затем сбивает, и все начинается по новой.

Их грохот действует мне на нервы.

– Оуэн, что произошло? – Отец всматривается мне в глаза с противоположной части стола. Он уже более собран, чем час назад, более похож на самого себя. Но вид порезов на его руках, едва покрывшихся коркой, вызывает у меня дрожь.

Странный холодок в голове сменяется болью, режущей между глаз. Я потираю виски пальцами. Мне хочется кричать, но я не знаю почему.

– Оуэн? – Он касается моего плеча.

– Авела потерялась в лесу, – шепчу я. – Я пошел за ней. Древесная сирена защитила нас, построив шалаш из веток. Она отвела нас домой.

Я хмурюсь. Как-то это неправильно.

И все же…

Как бы ты меня назвал?

Серена.

Звезда.

– Оуэн?

Я подпрыгиваю и сбиваю чашку с чаем. На стол выливает-

ся молочно-коричневая жидкость. Отец берет тряпку и вытирает ее.

– Ты не мог встретить древесную сирену. – Его лицо ожесточается, голос звучит странно. – Наверное, тебе это приснилось. Что случилось на самом деле?

Мои пальцы тянутся к синякам на шее.

Я вспоминаю серебристые руки, выдавливавшие из меня воздух.

Голос, подобный порыву ветра между мертвыми деревьями.

Нельзя отдать душу за душу.

– Что случилось? – повторяет отец.

Аромат фиалок.

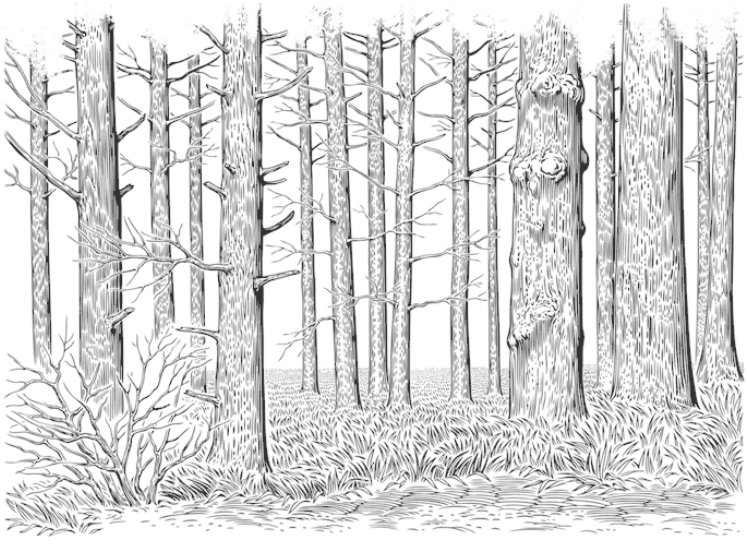
Светлячки в темноте.

Серена. Звезда.

Что-то внутри меня кричит, но тот холодок все поглощает. Я мотаю головой. Мои плечи опускаются. Я говорю отцу правду:

– Я не помню.

Глава четырнадцатая. Монстр



Он забудет меня.
Я об этом позаботилась,
коснувшись его разума.
Для него я буду не более чем сном.
Пестрые листья,
серебристая кора.
Все так, как должно быть.
Но…
Я

не
хочу,
чтобы
он
забывал.

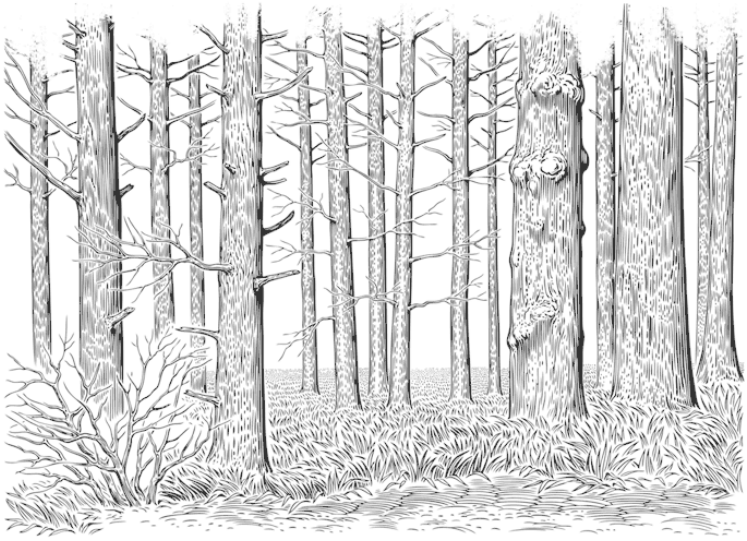
* * *

Мама зовет меня.
Ее сила пульсирует в земле, в деревьях.
Она приказывает вернуться.
Я не слушаюсь.
Не могу.
Она увидит правду во мне.
Повесит сферу мне на шею
и заставит наполнить ее душами.
А
я
его
не
убью.
Но и забыть его, как он меня, я не могу.
Он такой беспомощный.
Такой хрупкий.
Однако он бы отдал душу,
чтобы спасти ребенка.

Свою сестру.
Я не понимаю.
Но хочу понять.
По вечерам я подхожу к опушке леса.
Смотрю над стеной на его дом.
Наблюдаю.
Пока не гаснет свет в его окне.
Пока звезды не начинают мерцать на широком небе.
Пока воспоминание о его голосе не наполняет меня.
Я бы назвал тебя Серена. Звезда.
У меня никогда не было имени.
Но я хочу его.
Это желание снедает меня изнутри.
Как у меня может быть имя?
Я не кто иной,
как
монстр.
Но я все равно наблюдаю за ним длинными ночами, вплоть до утра.
Встает солнце, алое как кровь.
Дверь открывается.
На секунду я вижу его: стройный силуэт, темные волосы.
И быстро отхожу к деревьям.
Я ужасно боюсь,
что он не вспомнит меня.
Я ужасно боюсь,

что
он
вспомнит.
Серена.
Звезда.

Глава пятнадцатая. Монстр



Я сплю, как вдруг приходит боль.
Жгучая агония под моей кожей.
Я открываю глаза.
Мама.
Здесь,
на этой тихой поляне, которую я выбрала
для сна.
Ее когти вонзаются в меня.
И режут изнутри.

– Ты проснулась, – звучит ее холодный от ярости голос.

Она достает когти, и ко мне приходит внезапное, резкое облегчение.

Я пячусь.

В глазах яркими пятнами пляшет боль.

В ее же глазах пылает гнев.

– Я звала тебя. Звала двадцать оборотов солнца, но ты не пришла.

Ее рога испачканы темным ягодным соком,

выделяющимся на фоне зеленой листвы деревьев.

С когтей стекает липкая янтарная жидкость.

Мой сок.

Мне

так

страшно.

Я трепещу перед ней.

Она знает.

Знает.

Она создала меня.

И уничтожит.

Он никогда не вспомнит.

– Почему ты не пришла?

Ветер ерошит ее зеленые волосы.

На ней ожерелье из шиповника

с цветущими розами.

Ей плевать

на шипы.

– ОТВЕЧАЙ!

Ее голос напоминает рев оленя по весне.

Я кланяюсь.

– Простите, моя королева.

Она обходит меня.

Трава мнется под ее ногами.

– Ты отличаешься от своих сестер. Больше похожа на братьев. Безрассудная. Своенравная. Необузданная. Но, как и они, ты не будешь перечить своей королеве безнаказанно.

Она навсегда изгнала моих братьев
со своего двора.
Я боюсь того,
что она сделает
со мной.

Ее когти вонзаются мне в спину.

Она отрывает кусок моей кожи,
и я падаю на землю,
корчась от боли.

Моя кора лежит серебристо-белым завитком на траве.

Рана сочится соком.

Боль обжигает меня.

Из глаз льется роса.

– Ничего, отрастет, – говорит мама. – Быстрее с каждой душой, что ты заберешь для меня.

Она раскрывает ладонь.

Там лежит сфера.

Пустая.

Голодная.

Холодная.

Я не хочу ее брать.

– Люди пошли на север, чтобы положить свое железо. Найди их. Убей. И отправь их души к бессердечному дереву.

Я

не

хочу

сферу.

И не беру ее.

В подбородок впиваются когти.

Заставляют посмотреть на нее.

– Если ослушаешься, я сдеру с тебя все. И брошу во тьме на съедение зверям.

Она не знает о мальчике.

Она не знает.

Он в безопасности.

В безопасности.

Во мне пульсирует боль.

Но кроме нее –

облегчение.

Я беру сферу.

Надеваю на шею.

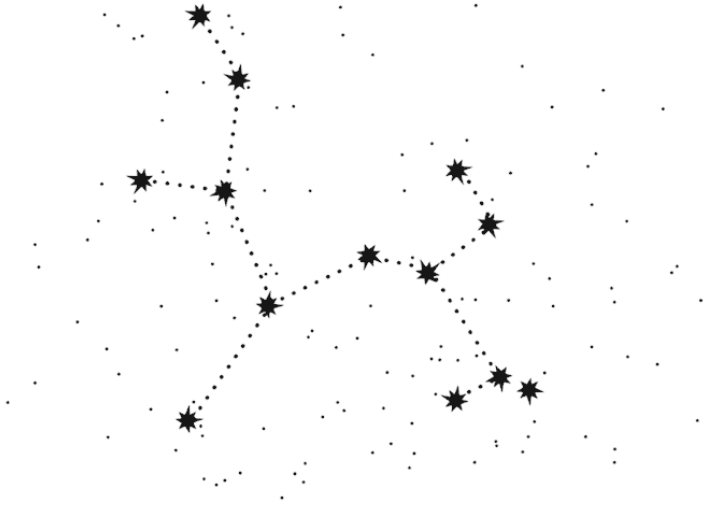
И иду на север.

* * *

Каждый шаг приносит боль.
Я прижимаю прохладный мох к ране.
Купаюсь в ледяном ручье.
Это едва ли тушит пожар во мне.
Лес широкий. Я ухожу далеко-далеко от дома мальчика.
Пропускаю одну ночь наблюдений за ним.
Две ночи.
Уже слышны удары молотов. Кряхтение мужчин.
Вон железные линии, пересекаемые древесиной. Дорога на смену той, что я разрушила.
Я прячусь за деревьями.
Наблюдаю за ними.
Во мне пульсирует повеление матери:
убей их.
Отправь их души к бессердечному дереву.
Но я чувствую
жизнь мальчишки в своих руках.
Вижу,
как он дрожит, пытаясь бороться с музыкой моих сестер.
Слышу
его голос, отдающийся эхом внутри меня.
Я бы назвал тебя
Серена.

Звезда.
Я не могу убить этих людей.
Не хочу.
Я ухожу,
оставляя их
среди лязга и шума.
Я
не
хочу
быть
ее
монстром.
И
не
буду.

Глава шестнадцатая. Оуэн



Я забыл что-то важное.

По крайней мере, мне так кажется.

При свете дня, когда я готовлю, пропалываю огород или наблюдаю за Авелой, я ни о чем не вспоминаю. Во тьме ночной, когда смотрю в телескоп и заполняю карты с отцом, тоже ни о чем не думаю.

Но в промежутке между сном и явью, между тьмой и рассветом я чувствую аромат фиалок, и воспоминания возвращаются.

Серебристое лицо. Шалаш из веток, сплетенный при помощи магии. Прикосновение холодных пальцев ко лбу. Резонирующий голос: порой глубокий, как виолончель, порой высокий, как скрипка. Сияние светлячков.

Даже днем, когда я думаю о крушении поезда, о пассажирах, убитых в лесу, воспоминание кажется каким-то странным. Будто смазанным.

С того дня, как Авела потерялась в лесу, прошло три недели. Лето окрасило деревья в насыщенный зеленый оттенок, с огорода постоянно приходится выгонять кроликов – единственные существа, которых не волнует, что мы живем на границе с лесом.

Я готовлю оладьи на завтрак, белое масло ярко выделяется на фоне чугунной сковороды. Авела ест клубнику, которую мы вчера собрали, окуная ее во взбитые сливки.

– Филки, – произносит она мелодичным голоском. – Филки, филки, филки.

– Потерпи, малышка, – грубовато отвечаю я из-за собственного нетерпения.

– Филки! – настойчиво повторяет она, показывая пальцем.

Я отрываю взгляд от оладий.

На открытом окне лежит веточка фиолетовых цветов.

Я вздрагиваю. Показалось или среди деревьев шевельнулась тень?

– Не трогай плиту, Авела! – велю я и опрометью выбегаю

из дома, шумно стукнув дверью о стену.

Тяжело дыша, останавливаюсь у папиной стены.

– Кто там? Кто там?!

Ответом служит только свист ветра среди деревьев и царапанье веток о камень. Я стою неподвижно, прислушиваюсь, всматриваюсь в лес за стеной.

Из задумчивости меня выводит запах сгоревших оладий, доносящийся из кухонного окна. Я спешу обратно в дом, надеясь, что больше ничего не горит.

Позже, уложив Авелу спать, я сажусь на заднем крыльце, попиваю чай и рассматриваю фиалки, потирая нежные лепестки между пальцами, позволяя их запаху окутать меня.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь, несмотря на серебристую иглу боли в голове.

Вспоминаю хватку грубых пальцев, выдавливавших из меня жизнь. Песнь, лившуюся из леса. Странную руку на запястье. Серебристое лицо в свете звезд. Светлячков. Сон без сновидений.

Ты боишься темноты? Или только монстров, что таятся в ней?

Я открываю глаза.

Цветы смялись в ладони, их аромат липнет к коже. Возможно, пока я буду вдыхать их запах, я не забуду ее. Древесную сирену. Дочь Гвиден.

Она приходила сюда. Но зачем?

Оставив полупустую чашку на крыльце, я подхожу к стене

отца, что ограждает нас от леса, и задумчиво останавливаюсь на пару секунд. Воспоминания скользкие по краям, их трудно удержать. Они уже ускользают. Я этого не хочу. Я хочу знать, почему все забыл, зачем она оставила мне фиалки на подоконнике.

Я перелезаю через стену и шумно приземляюсь с другой стороны.

Далеко отходить не рискую – Авела спит одна в доме, – однако захожу чуть дальше, чем, наверное, следует. Все это время мой взгляд выискивает фиалки, и я упрямо пытаюсь вспомнить.

Нахожу один-единственный мятый цветок среди упавшей листвы. Меня охватывает ликование.

– Ты там? – зову я. – Дочь Гвиден, ты там?

Ответа нет, но лес будто затаил дыхание, ожидая от меня дальнейших действий. Боль в голове обостряется, воспоминания вырываются из хватки.

– Кто ты? Зачем ты оставила мне фиалки?

Мимо уха с воем проносится ветер. Внезапно в воздухе усиливается аромат диких цветов.

– Это было ошибкой, – голос похож на скрипку: глубокий, гортанный, с вибрато. – Забудь меня. И больше не приходи сюда.

Запах улетучивается. Деревья замирают. Я снова один.

* * *

В середине ночи, когда мы с отцом заканчиваем заполнять карты, он идет спать, а я остаюсь.

Фиалки, твержу я себе, как и весь день. Фиалки и светлячки. Все остальное ускользнуло. Мне хочется, мне необходимо вспомнить. Это желание поглощает все мысли, а я и не против, хотя понимаю – если хочу ответов, то должен вернуться в лес.

Это глупо. Безрассудно.

Я беру фонарик и нож. Подхожу к стене и долго смотрю на нее, внутренний ужас воюет с отчаянным стремлением знать. И, как ни странно, его достаточно, чтобы приглушить страх. Я перелезаю через стену и захожу под деревья. Сердце громко стучит в ушах. От железной хватки на ноже и фонарике болят руки.

На меня налетает стайка мотыльков, привлеченных светом. Я наблюдаю за ними с какое-то время – этими мелькающими тенями, листьями с крыльями. Они улетают так же внезапно, как прилетели.

Лес бдителен, он не спит. Под землей, как живые существа, корчатся и извиваются корни. Деревья шепчутся и гнутся. Сквозь кроны луна отбрасывает причудливые узоры на лесную подстилку, но мой фонарик прогоняет тени.

Страх бьется во мне как второе сердце, вибрируя в костях.

Фиалки и светлячки.

Я должен узнать, кто оставил мне цветы. Кто говорил со мной из-за деревьев. Что действительно произошло в тот день, когда Авела потерялась в лесу. И поэтому я захожу во тьму.

Серебряная вспышка – мое единственное предупреждение.

Рот накрывает ладонь, приглушая крик. Руку обхватывают пальцы и тянут к деревьям. Я сопротивляюсь, изворачиваюсь. Роняю фонарик.

Страх процарапывает себе путь по горлу.

По щекам водят листьями.

Кругом царит ужас. Тени.

До меня доносится нота песни. Она сковывает мою душу.

Я извиваюсь в хватке сирены, но она не отпускает.

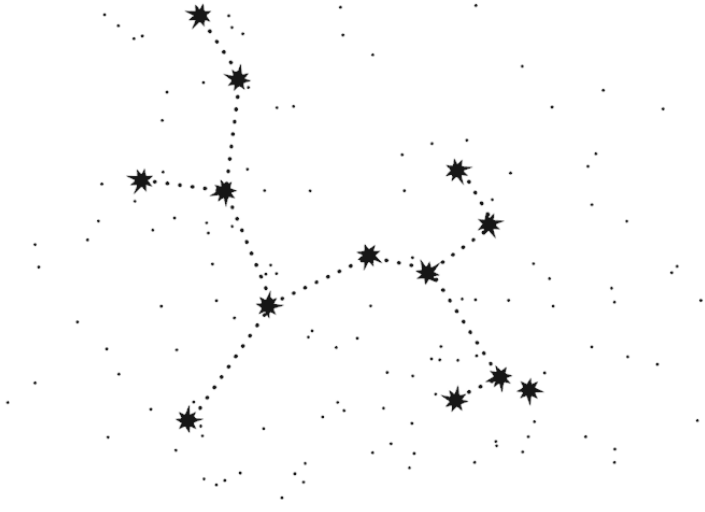
Боже мой…

Впереди маячит очертание гигантского дуба. Он со скрипом и вздохом раскалывается, и моя похитительница толкает меня внутрь, убирая руку со рта.

Я пытаюсь обернуться к ней, закричать.

Но дерево проглатывает меня целиком.

Глава семнадцатая. Оуэн



Чернота обволакивает меня, давит со всех сторон. Я не могу вдохнуть, не могу дышать. Не могу видеть. Поддавшись панике, я гадаю, каково будет умереть, может ли быть что-то ужаснее этой обездвиживающей, удушающей тьмы.

Где-то рядом течет сок, вдалеке шелестят ветки.

Дерево будто вибрирует, изучает меня невидимыми пальцами, пытаясь понять, из чего я сделан. Серебристая боль в голове проходит сама собой как заноза, вытащенная пинцетом. Ей на смену всем скопом возвращаются воспоминания:

руки древесной сирены на моей шее. Шалаш из живых веток. Авела, спокойно спящая у меня на руках. Голос сирены в сиянии светлячков.

Ты боишься темноты? Или только монстров, что таятся в ней?

Что ты наделала?

Спасла вас от своих сестер и от леса.

Я не хотела, чтобы моя сестра убила ребенка.

Глубокий сон без сновидений. Рассвет, которого я боялся уже никогда не увидеть.

Как бы ты меня назвал, Оуэн Меррик?

Я бы назвал тебя Серена. Звезда.

Легкое прикосновение пальцев, лишивших меня воспоминаний. Фиалки на подоконнике, чтобы напомнить о том, что я забыл.

Я искал ее по лесу, до конца не понимая зачем.

Она затолкала меня в дуб: одной рукой крепко сжала запястье, другой грубо накрыла рот. И позволила дереву съесть меня.

Я не понимаю.

Я считаю секунды, что оцепенело, как древесный сок, провожу в сердце дерева. Но внутри меня снедает страх, и постепенно я ускользаю от реальности.

Как вдруг раздается оглушительный треск.

Я падаю на траву, под серый свет зарождающегося рассвета. Со всхлипом втягиваю воздух, кашляю и хриплю, содро-

гаясь на земле, пока разум не убеждает тело, что со мной все в порядке. Я живой. Я дышу.

Ее серебристые ступни всего в паре сантиметров от меня. Я поднимаю взгляд и вижу, что она наблюдает за мной бесстрастными глазами. На руках сирены темные отметины, будто кто-то порезал ее ножом. В волосах ярко цветут фиалки.

– Моя сестра стояла прямо у тебя на пути. Я не могла допустить, чтобы она увидела тебя. Она бы поглотила тебя целиком.

Я ошарашенно моргаю, жадно глотая воздух.

– Я не собиралась надолго оставлять тебя в дереве. Мне нужно было убедиться, что она ушла далеко отсюда, прежде чем выпускать тебя. Очень глупо с твоей стороны бродить по лесу в одиночку.

Я приподнимаюсь на дрожащих руках и сажусь, так как не в силах встать.

– Спасибо, – выдавливаю я. – Что спрятала меня.

Она наклоняет голову вбок, как любопытная птичка.

– Я рада, что дуб не убил тебя.

Моего облегчения как не бывало.

– А он мог?!

– Деревья мамы очень могущественные. Оно могло раздавить твое сердце и поглотить душу с той же легкостью, что и я.

Я все никак не могу отдышаться и глотаю воздух через

рот. Мне хватает ума понимать, что с сиреной я и близко не в безопасности.

– И ты сделаешь это? Поглотишь мою душу?

Ее лицо становится непроницаемым, холодным и более древоподобным, чем когда-либо.

– Мне стоило убить тебя еще при первой встрече.

– Но ты этого не сделала. Ты спасла меня. И Авелу – не позволила сестре забрать ее. Почему?

Я помню ее прошлый ответ и пытаюсь сопоставить его с образом жестокого монстра, который убил всех пассажиров в поезде: «Я услышала ее смех в лесу. Мне не хотелось, чтобы сестра его обрывала».

К моему глубокому изумлению, древесная сирена присаживается передо мной, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Ее лиственные волосы беспорядочно спутались, глубокие раны на руках едва покрылись коркой.

– Ты предложил свою душу в обмен на ее.

– Авела моя сестра. Я люблю ее. На моем месте так поступил бы каждый.

Сирена мотает головой.

– Вовсе нет. Люди молят пощадить их жизнь, а не других. Я видела это множество раз.

В голове мельком вспыхивают воспоминания: крики и треск костей; кровь на серебристых руках. Вспомнив, кто она, я внезапно замечаю, насколько близко мы сидим друг к другу. Она может раздавить меня, как комара. Я поднимаюсь

на ноги и увеличиваю расстояние между нами. И становлюсь как можно дальше от дуба.

Сирена тоже встает и проходит мимо меня. Я громко ахаю: с ее левого плеча и половины спины содрали большой кусок серебристо-белой коры, открывая вид на влажную мясистую плоть цвета древесного сока.

Осознав, на что я смотрю, она резко поворачивается и прячет рану. От нее волнами исходит гнев.

– Мне жаль, – тихо говорю я.

Внезапно сирена вновь оказывается передо мной и опускает голову, чтобы взглянуть мне прямо в глаза. В такой близости я вижу бугорки и завитки на ее коре, а от запаха фиалок и сока у меня кружится голова.

– И почему тебе жаль?

Сердце сильно и быстро бьется в груди.

– Почему ты спасла меня?

Это и вопрос, и ответ.

Ее ресницы мерцают в утреннем свете. С волос падает фиолетовый лепесток.

– Ты сломал меня, мальчик. Изменил. Теперь мать и сестры… презирают меня.

– Это… это они с тобой сделали? Потому что… ты спасла меня?

Она отстраняется. Снова холодная. Снова неприкасаемая.

– Это неважно. А теперь ступай. Тебе в лесу небезопасно.

– Сирена…

Но она разворачивается и уходит, не промолвив больше ни слова. Деревья и подлесок расступаются, чтобы освободить ей дорогу. Я дважды моргаю, и она скрывается из виду.

По спине бегут мурашки. Я не знаю, как глубоко зашел в лес; не знаю, как вернуться домой. Одно ясно наверняка: теперь я сам по себе, она больше не будет меня спасать. Меня охватывают усталость и голод. Скоро проснутся отец с Авелой, и если они обнаружат мое отсутствие, то поднимут панику.

Я бреду по лесу, чудесным образом нахожу свой фонарик, а вскоре после этого – и отцовскую стену с моими грязными следами. С другой стороны меня приветствует огород, горох на крепких вьющихся стеблях уже готов к сбору.

Можно было не волноваться. В доме тихо, отец с Авелой еще спят.

На заборчик вокруг огорода садится поползень, сверкая желтым пузиком и чирикая своему приятелю где-то в лесу.

Я смотрю на птичку и борюсь с чувством потери, которое, кажется, вот-вот раздавит меня. Пытаюсь понять, что же я потерял.

Ведь я получил, что хотел. Ко мне вернулась память. Я знаю, что сделала для нас с Авелой древесная сирена, знаю, что мы в долгу перед ней. Что я в долгу перед ней за все три раза, что она позволила мне выжить. Я никогда не смогу ей отплатить.

И не нужно, твержу я себе. Что бы она для меня ни сде-

лала, она все равно монстр. Я ничего ей не должен.

И все же…

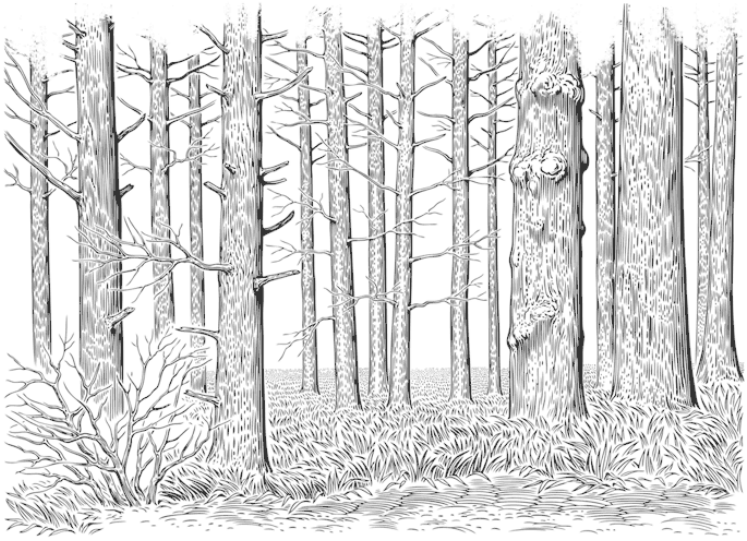
А монстр ли она?

«Я услышала ее смех в лесу. Мне не хотелось, чтобы сестра его обрывала».

«Ты сломал меня. Изменил».

Ветер ерошит деревья с другой стороны стены. Поползень улетает. Я горблюсь и захожу в дом как раз вовремя, чтобы поприветствовать Авелу, которая выбегает из спальни, счастливая и голодная, и несется ко мне на руки.

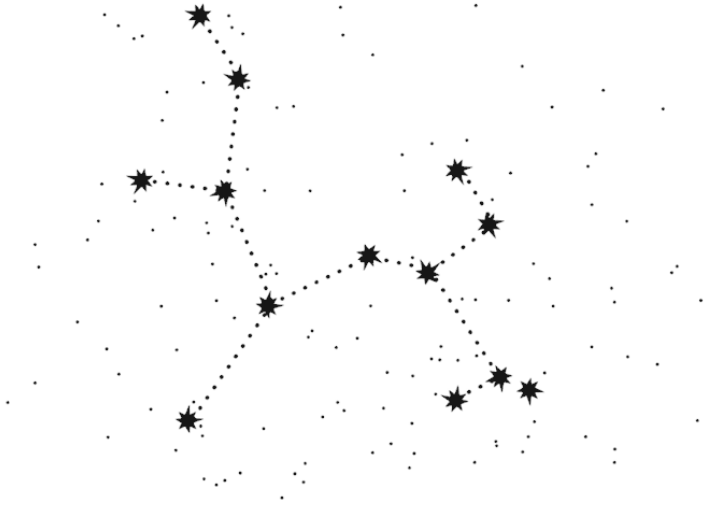
Глава восемнадцатая. Монстр



Он шел во мраке леса.
Моя сестра была совсем рядом.
Он не знал.
Не видел.
Она бы его убила.
Проглотила его яркую душу.
Поэтому я спрятала мальчишку
в
дубе.

Он в безопасности.
И он ушел.
Я хочу, чтобы он вернулся.
Сама не знаю почему,
но хочу.
Хочу, чтобы он взглянул на меня.
Посмотрел мне в глаза
и
не
испугался.
Хочу, чтобы он увидел во мне
что-то большее,
чем
монстра.

Глава девятнадцатая. Оуэн



День тянется невыносимо медленно, а я места себе не нахожу.

Старательно не смотрю в кухонное окно, пока готовлю каул: нарезаю лук-порей, капусту, картошку и бросаю их в кастрюлю, чтобы готовились на медленном огне. Я не хочу видеть лес, манящий меня с другой стороны стены. Не хочу думать о древесной сирене. О том, как она выпустила меня из дуба, а я взглянул ей в лицо и вдруг осознал, что она прекрасна.

И что это меняет? Монстры тоже могут быть красивыми.

Я напоминаю себе о крушении поезда, множестве смертей и ужасах, порожденных ею. Но эти образы быстро улетучиваются, и все, что я вижу, это ее серебристое лицо в рассветных лучах, подрагивающие фиалки в волосах. Все, что я вижу, – это как она защищала Авелу от своей сестры, сплетала шалаш из веток вокруг нас, оберегая от лесного зла.

«Ты сломал меня. Изменил».

Действительно ли она изменилась? Это вообще возможно?

Она спасла Авелу. Неоднократно спасала меня.

«Теперь мать и сестры… презирают меня».

Но ничто из этого не имеет значения. Так нельзя. Потому что моя мать погибла в лесу, и независимо от того, была ли причастна к этому древесная сирена, это часть ее естества. И всегда ею будет. Мы с Авелой целы и невредимы, и за это я благодарен. На этом все.

Хватит с меня леса. Я получил свои воспоминания и ответы. Больше мне нечего там искать.

И все же…

«Ты изменил меня».

За ужином я какой-то вялый. Заполняя карты с отцом, постоянно отвлекаюсь.

В конце концов мы идем спать. Я натягиваю одеяло до подбородка. Закрываю глаза. «Она монстр! – кричит голос в моей голове. – И не важно, что красивый».

«Ты сломал меня. Изменил».

Я знаю, что это неминуемо, но все равно лежу так долго, как только могу, даже дольше, прежде чем наконец встать и обуться.

«Ты изменил меня».

Я должен знать, правда ли это. Твержу себе, что это единственная причина, по которой я выхожу из дома и шагаю к отцовской стене.

У меня нет готового оправдания, чтобы перелезать через нее, так что я опускаюсь на землю и прислоняюсь правым плечом к камню. Сижу до поздней ночи, и хоть сейчас лето, все равно начинаю дрожать от холода земли и стены.

Я сразу же чувствую, когда она появляется с другой стороны. Ветер меняется, листья шелестят над камнем немного иначе. В воздухе ощущается слабый намек на аромат цветов и древесного сока.

– Сирена, – говорю я, глядя на стену.

– Мальчишка, – ее голос звучит приглушенно из-за камня.

Трава колышется на ветру, и я забываю, что хотел сказать, почему счел необходимым, чтобы между нами была преграда.

«Монстры тоже могут быть красивыми».

– Почему ты оставила фиалки на моем окне?

Это не совсем то, что я планировал спросить.

Какое-то время в лесу царит полная тишина, хотя я знаю, что она по-прежнему там. Если бы сирена ушла, я бы почув-

ствовал.

– Я хотела, чтобы ты вспомнил меня, – наконец отвечает она.

– Почему?

Ветер усиливается, ветки неистово раскачиваются над стеной. Где-то в лесной чаще волк воет на луну.

– Я не хотела, чтобы ты считал меня всего лишь монстром.

Ее признание смущает меня – оно слишком созвучно с мыслями, которые не покидают мою голову. Я выдавливаю слова, ради которых и пришел сюда:

– Спасибо, что спасла нас с сестрой. Но я больше не вернусь в лес. Мне даже не стоит находиться так близко к стене.

– Ты боишься меня, Оуэн Меррик?

Ветер задувает все сильнее и сильнее, и мне приходит забавная идея, что он отражает ее настроение. От звука моего имени на ее устах по телу проходит дрожь.

– Да.

Это правда, пусть я и не боюсь ее так, как раньше.

– Ты всегда бежишь от того, чего боишься?

Не знаю, зачем она спрашивает об этом, ждет ли какого-то ответного признания. Увы, если так, то зря. Я встаю, и она следует моему примеру по другую сторону стены. Я и забыл, какая она высокая – ее лицо выглядывает над стеной, от ветра волосы спутались с листьями и лепестками.

– Я такая, какой создала меня мать, – говорит сирена. – Но я не хочу такой быть. Я… изменилась.

Мое смущение усиливается. Ее слова такие соблазнительные – как раз то, что я хочу услышать. Но это не делает их правдой.

– Мне нужно идти.

– Останься.

В этом слове слышится такая тоска; одиночество, которое режет меня без ножа.

Я мотаю головой.

– Не могу.

– Тогда приходи завтра.

– Не могу, – повторяю я. – Я и сегодня не должен был приходить. Прощай, древесная сирена.

Но еще с секунду я не ухожу. Еще с секунду я стою на месте.

Она наклоняет голову набок и смахивает прядь с глаз. Ветер подхватывает лепесток с ее волос и тот, кружась, падает на землю.

– Серена, – говорит она. – Меня зовут Серена.

Глава двадцатая. Серена

Я попросила его остаться.

Он

этого

не

сделал.

Я назвала ему свое имя. Имя, которое я выбрала, которое он мне придумал.

Но он не ответил.

Просто ушел в темноту.

Сказав, что не вернется.

Я хочу, чтобы он вернулся.

Но почему?

Ему не стоит этого делать. Деревья наблюдают. Они доложат моей матери. Возможно, уже доложили.

Он окажется в ужасной опасности.

Но глубоко внутри меня
что-то растет.
Что-то,
что рвется к нему.
Я уже не такая,
как раньше.
Я не хочу маминой песни,
маминых душ.
Я хочу…
сама не знаю.
Чего-то большего,
чем смерть, которую она предлагает.
Чего-то большего,
чем ее голос и могущество.
Я хочу чего-то большего.
Чего-то, что будет только моим.

* * *

Я жду его целый день.

Глупо, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.